

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение государственного управления и местного самоуправления

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Независимость судей как конституционный принцип правосудия»

Обучающийся

А.Л. Айдамирова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

к.ю.н., доцент, А.А. Иванов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования конституционного принципа независимости судей	7
1.1 Понятие и сущность конституционного принципа независимости судей	7
1.2 Соотношение независимости судей с их ответственностью, подчиненностью Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству.....	14
Глава 2 Институты обеспечения конституционного принципа независимости судей.....	23
2.1 Система отбора и назначения на должности судей.....	23
2.2 Разделение властей как гарантия независимости судебной власти в Российской Федерации	34
2.3 Процессуальные гарантии независимости судей.....	43
Глава 3 Актуальные проблемы реализации конституционного принципа независимости судей в Российской Федерации	55
Заключение	65
Список используемой литературы и используемых источников	69

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что, несмотря на значительное внимание, уделяемое преобразованию судебной системы, развитию институтов гласности, демократизма и гуманизма, конституционный принцип независимости судей в современной России остается не в полной мере реализованным. Этому сопутствует ряд проблемных аспектов, одним из которых является влияние коррупционных факторов на деятельность судей. Помимо этого, проблемным аспектом является тот факт, что законодатель использует понятие «дисциплинарный проступок», при этом его смысл выходит за пределы служебной дисциплины, путем включения в него деяний, противоречащих морально-этическим устоям общества. Это не совсем корректно и в некоторой степени выходит за пределы правового регулирования и создает возможность для неправомерного воздействия на деятельность судьи.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации конституционного принципа независимости судей в Российской Федерации.

Предмет работы – нормы права, материалы научной литературы и судебной практики, способствующие формированию целостного представления о реализации конституционного принципа независимости судей в Российской Федерации.

Цель исследования заключается в выявлении на основе комплексного изучения актуальных проблем реализации конституционного принципа независимости судей в Российской Федерации.

Определив основную цель исследования, мы можем обозначить следующие задачи, решение которых необходимо для ее достижения:

- рассмотреть понятие и сущность конституционного принципа независимости судей;

- проанализировать и сопоставить между собой категории «независимость судей», «ответственность судей», «подчиненность судей Конституции и федеральному законодательству»;
- изучить отечественную систему отбора кандидатов на должность судей;
- рассмотреть основные особенности реализации теории разделения властей в контексте обеспечения независимости судей;
- охарактеризовать процессуальные гарантии независимости судей;
- проанализировать основные проблемные аспекты, препятствующие реализации конституционного принципа независимости судей.

Различные аспекты темы заявленного исследования являлись предметом работ В.И. Анишиной, С.И. Афанасьевой, М.Ф. Вяткина, Н.М. Селезневой, Д.Б. Тереза, Л.В. Шеломановой.

Теоретическую базу исследования составляют работы следующих авторов: А.В. Аверин, Д.Х. Асадулаева, А.Н. Балашов, Э.Л. Барсегова, С.В. Вечер, М.В. Геворкян, И.А. Гизатуллин, И.С. Дикарев, О.В. Домнина, Ц.С. Дондоков, К.М. Земляк, У.С. Ищенко, Т.А. Калентьева, Т.А. Климок, А.А. Кондрашев, А.В. Кудряшова, У.С. Марсакова, Е.В. Муткова, Ю.П. Нагорнова, Т.И. Отческа, Л.В. Плевако, К.В. Рыбкина, И.Г. Смирнова, В.А. Солдатов, С.В. Стародумов, А.В. Сташкевич, А.М. Сумачева, А.Д. Сыромятникова, А.А. Тарасов.

Научная новизна данной магистерской диссертации заключается в том, что в ходе работы были затронуты вопросы системы отбора кандидатов на должность судей, как элемента конституционного принципа независимости судей. Отдельные элементы научной новизны отражены в теоретических рекомендациях по совершенствованию механизмов обеспечения реализации конституционного принципа независимости судей.

Проведенное диссертационное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие теоретические положения и выводы, выносимые автором на защиту.

Во-первых, конституционный принцип независимости судей — это фундаментальное положение, которое лежит в основе построения судебной системы в Российской Федерации и определяется необходимостью создания таких условий, при которых исключается и запрещается какое-либо вмешательство в деятельность судей, препятствующее их самостоятельному разрешению дела на основе положений закона и личных убеждений. Принцип независимости судей имеет двухсторонний характер.

Во-вторых, необходимо изменить законодательный подход к образовательному и возрастному критериям, предъявляемых к кандидатам на должность судей.

В третьих, требуется исключить термины, которые граничат с нормами морали, из содержания определения «дисциплинарный проступок судьи».

Теоретическая значимость настоящей исследования заключается в разработке научных положений, касающихся особенностей реализации конституционного принципа независимости судей. Сформулированные в результате проведенного исследования выводы углубляют научные знания о реализации конституционного принципа независимости судей и могут служить основой для дальнейших исследований.

Практическая значимость исследования определяется тем, что идеи и рекомендации, представленные в данной работе, могут быть использованы в учебном процессе при подготовке студентов-бакалавров. В частности, материалы данного исследования, могут учитываться при разработке курса дисциплины «Конституционное право».

Нормативную базу исследования составляют следующие нормативно-правовые акты: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Эмпирическую основу исследования составляют материалы судебной практики Российской Федерации.

Методологическую основу настоящего исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы. В число общенаучных методов познания входят: синтез, анализ, сравнение, дедукция, индукция, диалектический метод. В свою очередь к числу используемых частнонаучных методов относятся: историко-правовой метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод правовой статистики.

Работа состоит из введения, трех глав, включающих в совокупности пять параграфов, заключения, содержащего выводы по проведенному исследованию, а также из списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования конституционного принципа независимости судей

1.1 Понятие и сущность конституционного принципа независимости судей

Положения Конституции Российской Федерации закладывают основы формирования всего механизма государства, в том числе и судебной ветви власти. Одним из принципов, провозглашенных основным законом страны, регламентирующих судебное производство, является принцип независимости судей. Частью первой статьи 120 Конституции Российской Федерации установлено, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» [17]. Основываясь на данной норме, можно сделать безусловный вывод, что судьи осуществляют свою деятельность исключительно в рамках закона. Однако, законодатель не конкретизирует формулировку «судьи независимы», что создает необходимость исследовать и более точно раскрыть данную категорию.

В первую очередь стоит отметить, что, как и любой другой конституционный принцип, принцип независимости судей имеет весьма обобщенную формулировку, которая дополняется посредством соответствующих норм федерального законодательства. Так, куда более подробно составляющие принципа независимости судей раскрываются в статье пятой Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». Здесь законодатель указывает, что «суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли» [40]. Отдельно обращается внимание на запрет принятия нормативно-правовых актов, которые прямо или косвенно умаляют независимость судей. Кроме того, законодатель упоминает в указанной статье о гарантиях независимости судей. Однако, данный вопрос является предметом исследования следующего параграфа.

На наш взгляд, весьма подробно рассматриваемый принцип раскрывается в нормах процессуального законодательства. Так, например, в Уголовно-процессуальном кодексе установлено, что «судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них. Вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность» [37]. Аналогичные положения мы можем встретить также в Гражданском процессуальном кодексе, Арбитражном процессуальном кодексе, Кодексе административного судопроизводства (с учетом поправок на соответствующий вид процессуальной деятельности). То есть, с точки зрения законодателя, независимость подразумевает условия, при которых исключено любое воздействие на ход судебного разбирательства. Следует добавить, что важным условием независимости судей является ответственность за вмешательство в действия по осуществлению правосудия.

Для наиболее полного и всестороннего рассмотрения принципа независимости судей, необходимо обратиться к работам ученых-юристов, которыми был исследован данный вопрос.

По мнению А.Д. Сыромятниковой независимость судей означает «проявление судом очевидной для участников процесса непредвзятости при разрешении конфликта совместно с объективностью и всесторонностью процесса познания, правильностью его результата» [47, с. 82]. Рассматривая данное определение, следует обратить внимание, что автор говорит о «очевидной для участников непредвзятости». Использование слова «очевидный», на наш взгляд, является ошибочным. Рассматривая дело, суд сталкивается с двумя противоположными точками зрения (в особенности касается гражданского и арбитражного процесса), где принятие решения в пользу одной из сторон, зачастую для другой стороны может означать, что суд был не объективен при рассмотрении дела. В этих условиях невозможно

говорить о какой-либо очевидной непредвзятости, поэтому нельзя сказать, что подобная формулировка в должной степени характеризует принцип независимости судей.

А.А. Тарасов в своей работе высказывает следующий тезис. «Независимость судей проявляется в том, что они самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, выносят судебные решения по уголовным, гражданским и иным делам, руководствуясь только Конституцией и законом» [34, с. 25]. Здесь мы считаем важным обратить внимание на следующее обстоятельство. Независимость, по мнению автора, заключается в том, что судья руководствуется только Конституцией и законом. Такой подход является не совсем корректным, поскольку судьи именно подчиняются только закону и суду, а не руководствуются исключительно ими. Подчинение означает, что в процессе осуществления своих полномочий на их действия может повлиять только закон и никто больше. В свою очередь, говорить о том, что судьи руководствуются только законом, мы не можем, поскольку, как минимум, судьи руководствуются внутренними убеждениями. В связи с этим, мы считаем, что рассмотренное определение создает несколько ошибочное понимание категории «независимость судей».

А.Д. Сыромятникова указывает, что независимость судей означает «гарантированную возможность принимать ответственные решения при осуществлении правосудия на основании предписаний закона, по внутреннему убеждению, без какого бы то ни было давления, вмешательства или иного воздействия извне» [33, с. 141]. В целом данное определение кажется нам наиболее удачным, так как, содержит все основные признаки исследуемой категории. Однако, стоит отметить, что все действия суда, осуществляемые в рамках судебного разбирательства и направленные на разрешение дела, являются ответственными, поэтому формулировка «ответственные решения при осуществлении правосудия», на наш взгляд, является излишней и перенасыщенной. В целом мы можем сделать вывод,

что в основном предлагаемые исследователями определения категории «независимость судей» схожи между собой и включают в себя совокупность признаков, предусмотренную процессуальным законодательством.

Обобщая все вышеизложенное, мы можем предложить следующее определение понятия «принцип независимости судей». На наш взгляд, это фундаментальное положение, которое лежит в основе построения судебной системы в Российской Федерации и определяется необходимостью создания таких условий, при которых исключается и запрещается какое-либо вмешательство в деятельность судей, препятствующее их самостоятельному разрешению дела на основе положений закона и личных убеждений. Данное определение отражает всю совокупность признаков, необходимых для сущностного понимания категории «принцип независимости судей».

Сущность и назначение рассматриваемого принципа определяются различными обстоятельствами. Принцип независимости судей является неотъемлемой гарантией осуществления правосудия только судом. Соответствующее положение закреплено в статье 118 Конституции Российской Федерации. Влияние на деятельность судьи фактически означает, что решение принималось посторонним, заинтересованным лицом. Что в свою очередь противоречит содержанию части первой статьи 118 основного закона. Поэтому законодатель создал специальную норму, которая бы предотвращала влияние на деятельность судей. Стоит обратить внимание, что принцип независимости судей имеет двухсторонний характер. Во-первых, он направлен на исключение стороннего воздействия «из вне», например, жизни судьи угрожают или органы власти требуют от него вынесения конкретного решения. В подобных случаях судья заявляет о том, что его законной деятельности пытаются воспрепятствовать, после чего виновные лица подвергаются ответственности за прямое нарушение принципа независимости судей и косвенное нарушение принципа осуществления правосудия только судом. Во-вторых, он направлен на исключение недобросовестных субъектов из судебного сообщества. Если

сам судья «открыт» для воздействия на его профессиональную деятельность, то в этом случае также следует говорить о нарушении принципа независимости судей. Поэтому охранительные механизмы будут направлены в представителя судейского сообщества, которого, по сути, они должны охранять, но ввиду его противоправного и общественного опасного поведения, он сам становится угрозой реализации принципа осуществления правосудия только судом.

Кроме того, в государственном аппарате Российской Федерации реализуется принцип разделения властей. Так, в статье 10 основного закона указано, что государственная власть делится на законодательную, исполнительную и судебную. При этом законодателем отмечается, что каждая из ветвей власти самостоятельна. В этой связи законодатель закрепляет принцип независимости судей, с целью ограничить судей от воздействия должностных лиц и органов других ветвей государственной власти [8, с. 27]. Данный принцип является инструментом, при помощи которого судебная власть обретает независимость и обретает правовую гарантию от вмешательства со стороны других органов власти.

У.С. Марсакова говорит о том, что «независимость судей является основным условием функционирования самостоятельной и авторитетной судебной власти, способной обеспечить объективное и беспристрастное правосудие, эффективно защищать права и свободы человека» [19, с. 490]. Мы полностью разделяем данную точку зрения, поскольку невозможно построить эффективную судебную систему, которая бы выносила объективные рассматривала поступающие дела и выносила по ним справедливые решения, в отсутствии закрепленного принципа независимости судей. В том случае, если в правовой системе отсутствует такой принцип, то правосудие так или иначе является подконтрольным и зависимым, поэтому объективность при рассмотрении дел ставится под сомнение, что является серьезным препятствием при защите прав и свобод граждан.

Говоря о принципе независимости судей нельзя не затронуть вопрос о степени такой независимости. А.В. Аверин по этому поводу пишет, что «между тем человеческая история не знает примеров существования такого социального института как суд, который был бы независим от государства. Зависимость суда от государства — имманентное свойство любой политико-правовой системы» [1, с. 50]. В этой связи возникает вопрос относительно абсолютности принципа независимости судей. В первую очередь стоит отметить, что судьи получают заработную плату из федерального бюджета. Соответственно формальная зависимость судей от государства имеет место быть. Однако, на наш взгляд, данный факт нельзя считать определяющим в вопросе независимости судей. Нужно понимать, что суд является аппаратом судебной ветви государственной власти, поэтому и функционирует он за счет средств государственной власти. При этом необходимо понимать, что «фактически интересы личности, общества и государства не всегда находятся в сбалансированном состоянии, имеют место быть ситуации когда отдельные интересы могут занимать доминирующее положение. Именно фактическое соотношение уровня реализации интересов государства может привести к тому, что суд станет инструментом достижения целей, определенных в рамках интереса государства» [13, с. 127]. Соответственно, мы можем сделать вывод, что формально суд зависит от государства и такая зависимость может увеличиваться в зависимости от уровня реализации государственных интересов. В условиях полного приоритета государственных интересов принцип независимости судей будет иметь формальный характер и потеряет свою ценность.

Отдельно стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. Независимость подразумевает, что при осуществлении правосудия судья руководствуется положениями закона и своими внутренними убеждениями. При этом в Российской Федерации широко сложилась практика, когда помимо вышеперечисленного, судьи активно руководствуются судебной практикой. Причем речь идет не только об отдельных частных делах.

Верховный Суд периодически обобщает материалы судебной практики по отдельным вопросам и формирует это в Постановления Пленума Верховного Суда. Такие разъяснения имеют рекомендательный характер, но, поскольку это позиция Верховного Суда, в большинстве случаев суды ориентируются именно на нее, так как, принимая отличное решение, высока вероятность того, что их решение будет отменено вышестоящим судом. Такая практика, на наш взгляд, является отступлением от принципа независимости судей, поскольку на влияние нижестоящих судов оказывает влияние позиция Верховного Суда. Поскольку в нашей стране прецедент официально не является источником права, подобное положение вещей формально препятствует реализации принципа независимости судей.

Завершая обсуждение по теме данного параграфа, нами будут сделаны следующие выводы. Во-первых, принцип независимости судей - это фундаментальное положение, которое лежит в основе построения судебной системы в Российской Федерации и определяется необходимостью создания таких условий, при которых исключается и запрещается какое-либо вмешательство в деятельность судей, препятствующее их самостоятельному разрешению дела на основе положений закона и личных убеждений. Во-вторых, принцип независимости судей имеет двухсторонний характер. С одной стороны, он направлен на исключение стороннего воздействия «извне», например, жизни судьи угрожают или органы власти требуют от него вынесения конкретного решения. В подобных случаях судья заявляет о том, что его законной деятельности пытаются воспрепятствовать, после чего виновные лица подвергаются ответственности за прямое нарушение принципа независимости судей и косвенное нарушение принципа осуществления правосудия только судом. С другой стороны, он направлен на исключение недобросовестных субъектов из судейского сообщества. Если сам судья «открыт» для воздействия на его профессиональную деятельность, то в этом случае также следует говорить о нарушении принципа независимости судей. В-третьих, принцип независимости судей является

инструментом, при помощи которого судебная власть обретает независимость и выступает правовой гарантией от вмешательства со стороны других органов власти. В-четвертых, на наш взгляд, сложившаяся практика, при которой Постановления Пленума Верховного Суда оказывают влияние на принятие решений нижестоящими судами, является отступлением от принципа независимости судей. Поскольку в нашей стране прецедент официально не является источником права, подобное положение вещей формально препятствует реализации принципа независимости судей.

1.2 Соотношение независимости судей с их ответственностью, подчиненностью Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству

Ранее нами было отмечено, что, провозглашая в основном законе страны принцип, который является предметом настоящего исследования, законодатель говорит о независимости судей и вместе с тем отмечает, что судьи подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Основываясь на ранее рассмотренных нами данных, мы можем сделать вывод, что подчиненность Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству является внутренним элементом принципа независимости судей. Само по себе наличие отношений подчинения означает наличие другого элемента, а именно ответственности за отказ или попытку избежать, проигнорировать положения закона. Соответственно, ответственность за нарушение судьями закона является еще одним сущностным элементом, входящим во внутреннюю структуру принципа независимости судей.

Общие положения об ответственности судей можно найти в Законе Российской Федерации «О статусе судей». Стоит обратить внимание, что до 2001 года в законодательстве был предусмотрен запрет на наложение на судей мер административной и дисциплинарной ответственности. Но в конце

2001 года законодатель пересмотрел свою позицию по данному вопросу. Необходимо понимать, что государство и право находились в процессе либерализации, происходило становление гражданского общества, механизмы работы органов государственной власти становились прозрачными, в результате чего коррупционные правонарушения становились все менее латентными. Это обусловило необходимость более подробной дифференциации ответственности судей, поэтому в законодательство вернулась возможность привлечения судей к административной и дисциплинарной ответственности.

На наш взгляд, весьма интересным является то обстоятельство, что законодатель достаточно немного затрагивает вопросы ответственности судей. В основном законе можно встретить общие положения относительно того, что прекращение и приостановление полномочий допускается только по тем основаниям, которые закреплены в федеральном законодательстве. Аналогичная норма предусмотрена и относительно уголовной ответственности. В Законе о статусе судей отдельную статью имеет только дисциплинарная ответственность. Данному вопросу посвящена статья 12.1 указанного закона.

Дисциплинарная ответственность может быть возложена на судью за совершение дисциплинарного проступка, то есть, «виновного действия (виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса» [40]. За совершение дисциплинарного проступка судья может быть подвергнут следующим взысканиям:

- замечание;
- предупреждение;

- понижения в квалификационном классе;
- досрочного прекращения полномочий судьи.

Э.Л. Барсегова, оценивая систему дисциплинарных взысканий судей, обращает внимание, что досрочное прекращение полномочий серьезно подрывает независимость судей и негативно сказывается на его авторитете [4, с. 88]. В целом мы разделяем позицию автора относительно суровости данного взыскания. Но оно является необходимым элементом механизма дисциплинарной ответственности судей, который позволяет исключить из судейского сообщества лицо, чьи действия не соответствуют моральному облику судьи и подрывают авторитет судейского сообщества и судебной власти в целом.

Проблемный аспект в системе дисциплинарной ответственности, на наш взгляд, заключается в том, что умаление авторитета и причинение ущерба репутации являются оценочными категориями и чрезмерно зависят от субъективного восприятия. Здесь обратимся к примерам из практики. Так, судья Арбитражного суда Ш. был досрочно освобожден от должности судьи за совершение дисциплинарного проступка, который выразился в хамском отношении к участникам процесса и использовании нецензурных высказываний [4, с. 88]. В другом случае судья А., осуществляя передвижение на автомобиле не выполнил законное требование сотрудников полиции, наблюдавших у А. признаки опьянения, о прохождении медицинского освидетельствования. Объясняя свои действия, А. заявил, что употреблял алкоголь в обед, а вечером этого же дня посчитал, что алкоголь уже не оказывает влияния на его способность управлять транспортным средством, а его содержание находится в допустимых пределах. Иных причин, которые бы препятствовали прохождению освидетельствования у него не было. Квалификационная коллегия судей в данном случае приняла решение наложить на А. дисциплинарное взыскание в виде предупреждения [35, с. 150]. В первом случае судья проявил неподобающее поведение в момент исполнения служебных обязанностей в отношении участников

процесса. Во втором же случае судья потенциально подверг опасности всех участников дорожного движения на пути своего следования, то есть, его действия также демонстрируют легкомысленные отношения к положениям закона и безопасности граждан. В связи с этим возникает вопрос, почему в первом случае имело место быть досрочное прекращение полномочий, а во втором нарушитель был подвергнут предупреждению.

Соответственно, анализируя вопросы дисциплинарной ответственности судей, мы можем обратить внимание на следующие проблемные аспекты. Во-первых, использование абстрактных категорий при определении понятия «дисциплинарный проступок», таких как «умаление авторитета судебной власти» и «причинение ущерба репутации судьи». Их значение определяется терминами, которые граничат с нормами морали. Это создает возможность для широкого толкования и существенного влияния субъективного фактора при наложении мер дисциплинарной ответственности на судей. Во-вторых, законодатель использует понятие «дисциплинарный проступок», но при этом его смысл выходит за пределы служебной дисциплины, путем включения в него деяний, противоречащих морально-этическим устоям общества. Это не совсем корректно и в некоторой степени выходит за пределы правового регулирования.

Процедура привлечения судьи к административной и уголовной ответственности имеет сложную регламентацию и существенно отличается от общего порядка привлечения лица к одному из названных выше видов ответственности. При решении данного вопроса участвует коллегия судей, которые занимают должности в соответствующем звене судебной системы. Если речь идет о привлечении судьи в качестве обвиняемого по уголовному делу, то соответствующее решение принимает Председатель Следственного комитета при наличии согласия коллегии судей. В свою очередь решение о привлечении судьи к административной ответственности принимается коллегией из трех судей по представлению Генерального прокурора.

Отдельные авторы подвергают критике предусмотренную законом процедуру привлечения судьи к административной ответственности. Авторами ставится под сомнение возможность наступления для судьи административной ответственности, поскольку вопрос этот решается самими участниками судейского сообщества. Поэтому из солидарности они могут более лояльно относиться к решению данного вопроса [41, с. 17]. Данная точка зрения имеет весьма спорный характер. С одной стороны, очевидно, что законодатель устанавливает столь сложную процедуру привлечения судьи к административной ответственности с целью исключить возможное злоупотребление полномочиями иных представителей власти, обеспечив тем самым провозглашенную неприкосновенность и независимость судей. С другой стороны, учитывая уровень коррупции в современной Российской Федерации, с позицией автора можно в некоторой степени согласиться, поскольку определенная вероятность наличия у судей заинтересованности имеет место быть. Однако, расширять комиссию судей другими лицами, которые не обладают соответствующими полномочиями, на наш взгляд, некорректно. Единственным видимым нам способом снижения уровня заинтересованности при решении вопроса о привлечении судьи судебного органа ниже уровня субъекта к административной ответственности является создание специального реестра судей по аналогии с присяжными заседателями. При получении представления Генерального прокурора, случайным порядком выбирается три судьи соответствующего уровня из различных субъектов Российской Федерации. Заседание проходит при помощи средств видеоконференцсвязи. Тем самым будет минимизирована возможность личного знакомства судьи, в отношении которого решается вопрос о привлечении к административной ответственности, с судьями из коллегии, а также возможность их взаимодействия друг с другом вне решения относительно полученного представления Генерального прокурора.

Касательно привлечения судей к уголовной ответственности Т.А. Калентьева обращает внимание на следующий проблемный аспект. Сроки

привлечения судей к уголовной ответственности, как правило, затягиваются, поскольку рассмотрение вопроса коллегией и получение согласия может длиться больше месяца. За это время судья может скрыться из страны, уничтожить следы преступления и иные доказательства, а также надавить на свидетелей для дачи ими ложных показаний [14, с. 173]. От части мы можем согласиться с данной точкой зрения. Любое затягивание уголовного процесса может привести к утрате необходимых по делу доказательств и искажению картины преступления, следствием чего может стать привлечение невинного к уголовной ответственности, а равно, избежание наказания лицом, совершившим преступление. Но все же мы должны понимать, что такой механизм привлечения судей к уголовной ответственности был создан для того, чтобы исключить возможность неправомерного вмешательства в деятельность судей путем неправомерного задержания или фиктивного обвинения в совершении преступления. Законодатель вынужден балансировать между интересами различных субъектов права для обеспечения независимости судебной власти.

В целом мы можем сделать вывод, что принцип независимости судей проявляется в том числе и в механизмах привлечения их к ответственности. Законодатель предусмотрел весьма сложную процедуру привлечения судьи к уголовной и административной ответственности, стараясь при этом сбалансировано соблюсти интересы общества и независимости судебной власти, идя при это на некоторые компромиссы.

Завершая обсуждение по теме данного параграфа, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, ответственность за нарушение судьями закона является сущностным элементом, входящим во внутреннюю структуру принципа независимости судей. Во-вторых, использование абстрактных категорий при определении понятия «дисциплинарный проступок», таких как «умаление авторитета судебной власти» и «причинение ущерба репутации судьи». Их значение определяется терминами, которые граничат с нормами морали. Это создает возможность

для широкого толкования и существенного влияния субъективного фактора при наложении мер дисциплинарной ответственности на судей. В-третьих, законодатель использует понятие «дисциплинарный проступок», но при этом его смысл выходит за пределы служебной дисциплины, путем включения в него деяний, противоречащих морально-этическим устоям общества. Это не совсем корректно и в некоторой степени выходит за пределы правового регулирования. В-четвертых, на наш взгляд, способом снижения уровня заинтересованности при решении вопроса о привлечении судьи судебного органа ниже уровня субъекта к административной ответственности является создание специального реестра судей по аналогии с присяжными заседателями. При получении представления Генерального прокурора, случайным порядком выбирается три судьи соответствующего уровня из различных субъектов Российской Федерации. Заседание проходит при помощи средств видеоконференцсвязи. Тем самым будет минимизирована возможность личного знакомства судьи, в отношении которого решается вопрос о привлечении к административной ответственности, с судьями из коллегии, а также возможность их взаимодействия друг с другом вне решения относительно полученного представления Генерального прокурора.

Завершая обсуждение по теме данной главы, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, принцип независимости судей - это фундаментальное положение, которое лежит в основе построения судебной системы в Российской Федерации и определяется необходимостью создания таких условий, при которых исключается и запрещается какое-либо вмешательство в деятельность судей, препятствующее их самостоятельному разрешению дела на основе положений закона и личных убеждений.

Во-вторых, принцип независимости судей имеет двухсторонний характер. С одной стороны, он направлен на исключение стороннего воздействия «извне», например, жизни судьи угрожают или органы власти требуют от него вынесения конкретного решения. В подобных случаях судья

заявляет о том, что его законной деятельности пытаются воспрепятствовать, после чего виновные лица подвергаются ответственности за прямое нарушение принципа независимости судей и косвенное нарушение принципа осуществления правосудия только судом. С другой стороны, он направлен на исключение недобросовестных субъектов из судейского сообщества. Если сам судья «открыт» для воздействия на его профессиональную деятельность, то в этом случае также следует говорить о нарушении принципа независимости судей.

В-третьих, принцип независимости судей является инструментом, при помощи которого судебная власть обретает независимость и выступает правовой гарантией от вмешательства со стороны других органов власти. В-четвертых, на наш взгляд, сложившаяся практика, при которой Постановления Пленума Верховного Суда оказывают влияние на принятие решений нижестоящими судами, является отступлением от принципа независимости судей. Поскольку в нашей стране прецедент официально не является источником права, подобное положение вещей формально препятствует реализации принципа независимости судей.

В-четвертых, принцип независимости судей проявляется в том числе и в механизмах привлечения их к ответственности. Законодатель предусмотрел весьма сложную процедуру привлечения судьи к уголовной и административной ответственности, стараясь при этом сбалансировано соблюсти интересы общества и независимости судебной власти, идя при этом на некоторые компромиссы.

В-пятых, использование абстрактных категорий при определении понятия «дисциплинарный проступок», таких как «умаление авторитета судебной власти» и «причинение ущерба репутации судьи». Их значение определяется терминами, которые граничат с нормами морали. Это создает возможность для широкого толкования и существенного влияния субъективного фактора при наложении мер дисциплинарной ответственности на судей. В-третьих, законодатель использует понятие «дисциплинарный

проступок», но при этом его смысл выходит за пределы служебной дисциплины, путем включения в него деяний, противоречащих морально-этическим устоям общества. Это не совсем корректно и в некоторой степени выходит за пределы правового регулирования.

В-шестых, на наш взгляд, способом снижения уровня заинтересованности при решении вопроса о привлечении судьи судебного органа ниже уровня субъекта к административной ответственности является создание специального реестра судей по аналогии с присяжными заседателями. При получении представления Генерального прокурора, случайным порядком выбирается три судьи соответствующего уровня из различных субъектов Российской Федерации. Заседание проходит при помощи средств видеоконференцсвязи. Тем самым будет минимизирована возможность личного знакомства судьи, в отношении которого решается вопрос о привлечении к административной ответственности, с судьями из коллегии, а также возможность их взаимодействия друг с другом вне решения относительно полученного представления Генерального прокурора.

Глава 2 Институты обеспечения конституционного принципа независимости судей

2.1 Система отбора и назначения на должности судей

Независимость судебной власти не только предоставляет лицу, обладающему статусом судьи определенные привилегии, но и налагает на него ряд обязанностей. В первую очередь такое лицо должно быть беспристрастным, обладать высоким уровнем правосознания, а также знанием законодательства Российской Федерации. Именно это обстоятельство возлагает на законодателя необходимость создания системы качественного отбора кандидатов на должность судьи. Основные особенности назначения кандидата на должность судьи в Российской Федерации закреплены в Законе «О статусе судей», Федеральном законе «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», Положении о порядке работы квалификационных коллегий судей [36, с. 125].

Вопросу отбора кандидатов на должность судей посвящена статья пятая Закона «О статусе судей в Российской Федерации». В первую очередь законодатель обращает внимание, что отбор кандидатов происходит на конкурсной основе. Для отбора кандидатов на вакантную должность создается экзаменационная комиссия. Главной задачей комиссии является установление наличия у кандидата теоретических знаний, практических навыков, умений в сфере применения юридических норм, которые требуются для работы судьи. Отдельными авторами обращается внимание на то обстоятельство, что в отечественном законодательстве отсутствует упоминание о моральных качествах кандидатов. Так, С.В. Вечер обращает внимание, что комиссия должна установить следующие аспекты личности кандидата: жизненная философия, репутация, родственные и личные связи [5, с. 299]. Предлагаемые изменения, на наш взгляд, вызовут определенные проблемы правоприменения, поскольку включение в текст закона терминов

по типу «моральные качества» и схожие с ними категории создает возможность для широкого субъективного толкования. Отсутствие критериев для оценки моральных качеств может создать условия для неправомерного отказа кандидату на должность судьи в силу субъективного отношения одного или нескольких членов комиссии. При этом определенную проверку жизненных взглядов и отношения к институтам власти все-таки стоит проводить. Для работы комиссии необходимо предоставить материалы открытых публикаций в социальных сетях кандидата, которые позволяют создать определенный портрет его личности. Например, при помощи социальных сетей можно установить факт того, что кандидат выказывает активную поддержку какому-то конкретному движению или негативно высказывается о действующем законодательстве или деятельности органов власти.

При этом стоит отметить, что законодатель делает некоторые косвенные упоминания относительно морального облика кандидата. Так, в статье восьмой Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» указывается, что «Судьей Конституционного Суда Российской Федерации может быть назначен гражданин Российской Федерации... с безупречной репутацией» [39]. На примере данной категории мы можем указать, какие именно сложности могут возникнуть при ее толковании. Безупречность, применительно к репутации, подразумевает отсутствие того, что могло бы ее опорочить. Именно здесь мы сталкиваемся с проблемой, поскольку не до конца понятно, какие именно обстоятельства могут опорочить репутацию кандидата, после чего он не сможет быть судьей Конституционного Суда. Например, такое обстоятельство как измена в браке может рассматриваться в качестве обстоятельства, порочащего репутацию лица? С одной стороны, указанный факт не карается нормами юридической ответственности. С другой стороны, такое действие может осуждаться со стороны общества, а также

свидетельствовать о том, что лицо не может оставаться полностью верным своему выбору, что является порочающим фактором для будущего судьи.

Рассматривая вопросы морального облика судей, Т.В. Черемисина высказывается о необходимости проверять кандидата на должность судьи на соответствие следующим качествам:

- «осознанная, адекватная профессиональная мотивация, где основной мотив - осуществление правосудия на основе закона;
- высокий уровень самоконтроля и эмоциональной устойчивости;
- высокая интеллектуальная активность, развитый абстрактный и вербально смысловой интеллект;
- самостоятельность и ответственность, уверенность в себе, способность противостоять групповому влиянию;
- коммуникативные способности, способность конструктивно разрешать конфликтные ситуации;
- гуманные черты, способность сочувствовать, вдумчивость и умение понять особенности другого человека;
- морально-нравственная осознанная позиция» [44, с. 67].

Здесь стоит отметить, что наличие указанных качеств должна выяснять не экзаменационная комиссия, а специально обученный профессионал – психолог. На этапе отбора кандидат проходит психодиагностическое обследование, где определяются его интеллектуальные способности и отдельные личностные качества, после чего делается вывод о его пригодности [26]. Поэтому, на наш взгляд, повторная проверка не требуется. Экзаменационная комиссия должна сосредоточиться на других аспектах личности, хотя и может принимать во внимание заключение психодиагностического обследования.

По смыслу части второй статьи 26.3 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» экзаменационные билеты «должны содержать три теоретических вопроса по различным отраслям права, две задачи по вопросам судебной практики и письменное задание по

подготовке процессуального документа по макету дела» [38]. Таким образом, отечественная модель экзамена на должность судьи содержит в себе механизмы проверки как теоретических знаний, так и практических навыков, которые требуются судье для успешного выполнения своих служебных задач. Однако отдельные исследователи отмечают, что современная экзаменационная модель устарела. Е.Ф. Фомина выступает с предложением об исключении теоретической части экзамена и сосредоточении исключительно на проверке практических навыков кандидата [42, с. 165]. Мы не разделяем позицию автора. Судья при осуществлении своей деятельности должен обладать обширным перечнем знаний, которые в дальнейшем будут использованы при постановке процессуальных решений. Теория и практика являются двумя неотъемлемыми составляющими любого ремесла. Умение составлять процессуальные документы без должного понимания работы правовой и судебной системы, без понимания таких категорий как справедливость, гуманность, истина, приведет к тому, что судья не сможет качественно осуществлять возложенные на него задачи. В этом случае его можно будет сравнить с компьютером, который машинально выполняет работу, но не обладает должным уровнем осознания для анализа всей совокупности фактов и принятия справедливого решения по рассматриваемому делу. В связи с этим экзамен, на наш взгляд, обязательно должен содержать этап проверки теоретических знаний, с целью проверки умения кандидата нестандартно мыслить, а также умения адаптировать закон под спорную ситуацию.

Отдельными авторами обращается внимание на следующий проблемный аспект системы отбора кандидатов. Успешное прохождение кандидатом квалификационного экзамена не могут в должной степени отразить их уровень социально-психологической и морально-этической подготовки. В связи с этим нельзя рассматривать квалификационный экзамен как инструмент, препятствующий попаданию в судебское сообщество лиц, которые не соответствуют высоким стандартам профессионального судьи. В

качестве примера автор упоминает ситуации, когда кандидатами на должность судей становятся сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры, адвокатуры, следствия, которые уже имеют сформировавшиеся профессиональные установки. Далек не всегда они могут быть быстро и легко пересмотрены в связи с пребыванием на новой должности, что может привести к предвзятости судьи в сторону обвинительного и карательного аспекта назначения судебного процесса [49, с. 55]. В определенной степени мы разделяем позицию автора. Нельзя исключать из внимания такой психологический феномен как профессиональная деформация, который заключается в психологической дезориентации личности под влиянием служебных факторов. Если лицо долгое время стремилось выстроить стратегию обвинения, стремилось доказать вину, то и сам процесс под руководством такого судьи может уйти в обвинительный уклон. Что в свою очередь полностью противоречит принципу независимости судьи, а также является препятствием для реализации принципа состязательности сторон в судебном процессе. В связи с этим такие лица должны проходить дополнительные проверки на наличие профессиональной деформации в процессе отбора на должность судьи.

Отдельным элементом системы отбора кандидатов на должность судей являются критерии, которые законодатель предъявляет к потенциальным кандидатам. Они закреплены в части первой и второй статьи четвертой Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации». Так, судьей может быть только гражданин Российской Федерации, который соответствует следующим критериям:

- «имеет высшее юридическое образование по специальности Юриспруденция или высшее образование по направлению подготовки Юриспруденция квалификации (степени) магистр при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки Юриспруденция;

- не имеет или не имел судимости либо уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям;
- не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства;
- не признан судом недееспособным или ограниченно дееспособным;
- не состоит на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств;
- не имеет иных заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи» [40].

В том случае, если кандидат будет соответствовать указанным выше критериям, то:

- «судьей Конституционного Суда Российской Федерации может быть гражданин, достигший возраста 40 лет и имеющий стаж работы в области юриспруденции не менее 15 лет;
- судьей Верховного Суда Российской Федерации может быть гражданин, достигший возраста 35 лет и имеющий стаж работы в области юриспруденции не менее 10 лет;
- судьей кассационного суда общей юрисдикции, апелляционного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, арбитражного суда округа, арбитражного апелляционного суда, специализированного арбитражного суда может быть гражданин, достигший возраста 30

лет и имеющий стаж работы в области юриспруденции не менее 7 лет;

- судьей арбитражного суда субъекта Российской Федерации, районного суда, гарнизонного военного суда, а также мировым судьей может быть гражданин, достигший возраста 25 лет и имеющий стаж работы в области юриспруденции не менее 5 лет» [40].

Относительно возрастного ценза для судей в научной литературе ведутся постоянные споры. Ученые разделились во мнении относительно критериев, предъявляемых для мировых судей. Так, Ю.В. Щедрина утверждает, что установление возрастного ценза в 25 лет в совокупности с требованием относительно наличия юридического стажа в 5 лет является причиной оттока кадров. По подсчетам автора молодые люди заканчивают обучение примерно в возрасте 22-23 года. На момент достижения возраста 25 лет они не имеют возможности обладать пятилетним юридическим стажем. Поэтому они вынуждены искать другую работу, после чего уже, как правило, не желают возвращаться к работе в мировом суде [51, с. 85]. В свою очередь Т.И. Отческа наоборот настаивает на необходимости повысить возрастной ценз. Автор утверждает, что 25 лет такой возраст, когда у человека накоплено слишком мало жизненного опыта, который необходим для всестороннего анализа обстоятельств по рассматриваемому делу [22, с. 52]. На наш взгляд, на сегодняшний день имеет место быть проблема, связанная с возрастным цензом судей. При условии, что в университет поступают в возрасте 17-18 лет, а для прохождения обучения требуется 5-6 лет, обучение будет окончено примерно в 22-23 года. Соответственно необходимый юридический стаж может быть получен примерно к 27-28 годам. В связи с этим мы рекомендуем отразить данное условие при определении возрастного ценза для судей арбитражного суда субъекта Российской Федерации, районного суда, гарнизонного военного суда, а также мировых судей, поскольку законодательство должно отвечать актуальным реалиям. Если

углубляться в данный вопрос, то можно отметить, что лица мужского пола теряют еще один год, поскольку вынуждены проходить службу по призыву, что также свидетельствует о необходимости поднять возрастной ценз. Можно предположить, что студенты могут устроиться на работу и совмещать ее с обучением, но в этом случае возникнет вопрос о качестве получаемого образования, что недопустимо, поскольку кандидат в судьи должен обладать высоким уровнем знаний.

Отдельно стоит обратить внимание, что законодатель в качестве одного из критериев указывает наличие высшего юридического образования. На наш взгляд, здесь стоит добавить пару уточнений, которые позволят привести указанный критерий к высоким стандартам, предъявляемым к кандидату на должность судьи. В первую очередь законодатель не указывает по какой форме было получено высшее образование [50, с. 183]. Мы придерживаемся мнения, что очная форма обучения является наиболее эффективной, поскольку позволяет студенту максимально погрузиться в получаемую профессию. Вариант с заочной формой обучения, как правило, выбирают те, кому необходимо высшее образование для продвижения по службе, и они уже имеют место работы, то есть, они совмещают свою работу и образование. Причем образование остается на втором плане. В этом случае куда более часто преподаватели делают студенту поблажки, в результате чего студент может получить диплом, не освоив образовательный курс в должной степени. Это не совсем корректно, если речь идет о статусе судьи, поскольку сомнений в его образованности вовсе не должно быть. В связи с этим стоит обратить внимание и на средний балл в дипломе. На наш взгляд, кандидат должен обладать средним баллом 4,8 и выше. Это будет указывать на то, что он полностью посвятил себя получению образования и в должной степени изучил дисциплины, обозначенные в рамках образовательной программы. Таким образом, мы считаем, что абзац первый части первой статьи четвертой Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» должен выглядеть следующим образом: «имеет высшее юридическое образование по

специальности Юриспруденция или высшее образование по направлению подготовки Юриспруденция квалификации (степени) магистр при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки Юриспруденция, полученные по очной форме обучения со средним баллом не менее 4,8».

Международная комиссия юристов обращает внимание на то обстоятельство, что за последнее время возникают определенные сложности при проверке подлинности документов, подтверждающих наличие у кандидата высшего юридического образования [21, с. 263]. Необходимость проведения проверки обусловлена тем, что отдельные кандидаты предпринимают попытки пройти экзамен, предоставляя фиктивные документы. Некоторым из них удается пройти экзамен и занять должность судьи Российской Федерации. В качестве примера приведем следующий случай. Так, Елена Х. попала в суд без юридического образования. В начале 2000-х она была назначена на должность судьи. В качестве основания она указала на наличии у нее диплома Тбилисского государственного университета, который был получен в 1991 году. Позднее в ходе служебной проверки выяснилось, что указанное учебное учреждение не выдавало диплома с таким номером [12]. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости проведения дополнительных проверок документов кандидатов на должность судьи.

Завершая обсуждение по теме данного параграфа, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, отдельные авторы указывают на необходимость проверки моральных качеств на должность судьи. Предлагаемые изменения, на наш взгляд, вызовут определенные проблемы правоприменения, поскольку включение в текст закона терминов по типу «моральные качества» и схожие с ними категории создает возможность для широкого субъективного толкования. Отсутствие критериев для оценки моральных качеств может создать условия для неправомерного отказа кандидату на должность судьи в силу субъективного отношения одного или нескольких членов комиссии.

При этом определенную проверку жизненных взглядов и отношения к институтам власти все-таки стоит проводить. Для работы комиссии необходимо предоставить материалы открытых публикаций в социальных сетях кандидата, которые позволяют создать определенный портрет его личности. Например, при помощи социальных сетей можно установить факт того, что кандидат выказывает активную поддержку какому-то конкретному движению или негативно высказывается о действующем законодательстве или деятельности органов власти.

Во-вторых, в ходе проведенного исследования нам неоднократно встречалась позиция относительно необходимости ограничить теоретическую часть экзамена и сосредоточиться исключительно на проверке практических навыков. Мы не разделяем позицию автора. Судья при осуществлении своей деятельности должен обладать обширным перечнем знаний, которые в дальнейшем будут использованы при постановке процессуальных решений. Теория и практика являются двумя неотъемлемыми составляющими любого ремесла. Умение составлять процессуальные документы без должного понимания работы правовой и судебной системы, без понимания таких категорий как справедливость, гуманность, истина, приведет к тому, что судья не сможет качественно осуществлять возложенные на него задачи. В этом случае его можно будет сравнить с компьютером, который машинально выполняет работу, но не обладает должным уровнем осознания для анализа всей совокупности фактов и принятия справедливого решения по рассматриваемому делу. В связи с этим экзамен, на наш взгляд, обязательно должен содержать этап проверки теоретических знаний, с целью проверки умения кандидата нестандартно мыслить, а также умения адаптировать закон под спорную ситуацию.

В-третьих, нельзя исключать из внимания такой психологический феномен как профессиональная деформация, который заключается в психологической дезориентации личности под влиянием служебных факторов. Если лицо долгое время стремилось выстроить стратегию

обвинения, стремилось доказать вину, то и сам процесс под руководством такого судьи может уйти в обвинительный уклон. Что в свою очередь полностью противоречит принципу независимости судьи, а также является препятствием для реализации принципа состязательности сторон в судебном процессе. В связи с этим такие лица должны проходить дополнительные проверки на наличие профессиональной деформации в процессе отбора на должность судьи.

В-четвертых, на наш взгляд, на сегодняшний день имеет место быть проблема, связанная с возрастным цензом судей. При условии, что в университет поступают в возрасте 17-18 лет, а для прохождения обучения требуется 5-6 лет, обучение будет окончено примерно в 22-23 года. Соответственно необходимый юридический стаж может быть получен примерно к 27-28 годам. В связи с этим мы рекомендуем отразить данное условие при определении возрастного ценза для судей арбитражного суда субъекта Российской Федерации, районного суда, гарнизонного военного суда, а также мировых судей, поскольку законодательство должно отвечать актуальным реалиям. Если углубляться в данный вопрос, то можно отметить, что лица мужского пола теряют еще один год, поскольку вынуждены проходить службу по призыву, что также свидетельствует о необходимости поднять возрастной ценз. Можно предположить, что студенты могут устроиться на работу и совмещать ее с обучением, но в этом случае возникнет вопрос о качестве получаемого образования, что недопустимо, поскольку кандидат в судьи должен обладать высоким уровнем знаний.

В-пятых, отдельно стоит обратить внимание, что законодатель в качестве одного из критериев указывает наличие высшего юридического образования. На наш взгляд, здесь стоит добавить пару уточнений, которые позволят привести указанный критерий к высоким стандартам, предъявляемым к кандидату на должность судьи. В первую очередь законодатель не указывает по какой форме было получено высшее образование. Мы придерживаемся мнения, что очная форма обучения

является наиболее эффективной, поскольку позволяет студенту максимально погрузиться в получаемую профессию. Вариант с заочной формой обучения, как правило, выбирают те, кому необходимо высшее образование для продвижения по службе, и они уже имеют место работы, то есть, они совмещают свою работу и образование. Причем образование остается на втором плане. В этом случае куда более часто преподаватели делают студенту поблажки, в результате чего студент может получить диплом, не освоив образовательный курс в должной степени. Это не совсем корректно, если речь идет о статусе судьи, поскольку сомнений в его образованности вовсе не должно быть. В связи с этим стоит обратить внимание и на средний балл в дипломе. На наш взгляд, кандидат должен обладать средним баллом 4,8 и выше. Это будет указывать на то, что он полностью посвятил себя получению образования и в должной степени изучил дисциплины, обозначенные в рамках образовательной программы. Таким образом, мы считаем, что абзац первой части первой статьи четвертой Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» должен выглядеть следующим образом: «имеет высшее юридическое образование по специальности Юриспруденция или высшее образование по направлению подготовки Юриспруденция квалификации (степени) магистр при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки Юриспруденция, полученные по очной форме обучения со средним баллом не менее 4,8».

2.2 Разделение властей как гарантия независимости судебной власти в Российской Федерации

Особого внимания при исследовании власти заслуживает концепция разделения властей, поскольку указанная концепция выражена в одном из принципов формирования аппарата государственного управления в Российской Федерации. В науке и на практике сформировалась классическая модель деления государственной власти на законодательную,

исполнительную и судебную. Данная классификация признается не всеми. Более того, представление о должном делении государственной власти индивидуально. Аристотель разделял государственную власть – власть, обсуждающая государственные вопросы, правительственная власть и судебная власть. Г. Гегель разделял государственную власть на три ветви: царскую, законодательную и правительственную. Однако утверждение разделения властей как составной части учения о демократическом государстве связано с революциями 17-18 века, когда Дж. Локк и Ш. Монтескье сформулировали этот принцип как важную гарантию против концентрации и злоупотребления властью, свойственных феодальным монархиям.

Противоположного мнения придерживался Ж.-Ж.Руссо. Он считал невозможным разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную [10, с. 152]. Одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо. Однако Франция одна из первых закрепила данный принцип в Декларации прав человека и гражданина 1789 года. По мнению авторов нормативного акта, общество, в котором права и свободы не обеспечиваются, а также нет разделения властей, не имеет конституции.

Концепция разделения властей нашла свое отражение в законодательстве многих стран. Не всегда она используется в первоначальном варианте, где-то ее дорабатывают и модернизируют с учетом национальных и правовых особенностей. Наиболее полно и последовательно в своей изначальной трактовке теория разделения властей реализована в Конституции США 1787 года, в которой прослеживается влияние, как создателей этой теории, так и британских конституционных идей начала 18 века. В советский период построение государства основывалось на взглядах и учениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Они отстаивали единство власти в стране, а теорию разделения властей представляли как «не что иное, как прозаическое деловое разделение труда,

примененное к государственному механизму в целях упрощения и контроля». Ситуация стала меняться с началом конституционной реформы в РСФСР. Декларация о государственном суверенитете РСФСР впервые закрепила принцип разделения властей. Так среди прочего утверждалось разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную [53, с. 7].

На сегодняшний день принцип разделения властей закрепляется в 10 статье Конституции Российской Федерации. По сути своей понятие «разделение властей» на практике подразумевает сложное сочетание независимости и взаимодействия нескольких ветвей власти, а в определенных случаях – их переплетения друг с другом. Такая конструкция не исключает возможность возникновения конфликта между ветвями власти, но предусматривает систему воздействия и компромиссов непосредственно между конфликтующими сторонами. М.В. Геворкян называет «принцип разделения властей одним из основных «атрибутов» присущих любому правовому государству» [6, с. 119]. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что Российская Федерация, провозглашающая себя правовым государством, в основу деятельности органов государственной власти закладывает положения концепции разделения властей.

Л.В. Плевако отмечает следующую важную особенность. «Теория разделения властей отнюдь не предполагает создания "китайской стены" между различными ветвями власти» [24, с. 337]. Это и невозможно, поскольку речь идет о едином институте, единой государственной власти, ибо нескольких различных по своей сущности властей в государстве быть не может: концепция государственного суверенитета исключает это. Существует "взаимопроникновение" различных ветвей власти в сферу деятельности друг друга. Так, в сферу законотворчества вмешивается исполнительная власть, а также суды. Парламент тоже может осуществлять отдельные судебные и исполнительские функции. В настоящее время во многих странах предусмотрена возможность импичмента президента, судей,

некоторых других высших должностных лиц за совершенные при исполнении служебных обязанностей определенные тяжкие преступления, что, по сути, представляет собой судебный процесс в парламенте.

Следует отметить, что принцип разделения властей применителен не только к федеральному уровню власти, но и к органам власти субъектов. В целях реализации принципа разделения властей на всех уровнях расположения государственных органов, законодательство определяет принцип разграничения предметов ведения. Применительно к нашей стране Конституция обозначает круг вопросов, которые подведомственны исключительно федеральным органам власти, а также перечень вопросов, которые урегулируются совместно государством и федеративными единицами.

Зарождение и развитие теории разделения властей происходило в конкретных исторических и социальных условиях. За долгие годы она была неоднократно изменена, дополнена или подвергалась определенным корректировкам, что в свою очередь было обусловлено актуальными условиями политики и права различных государств в разные промежутки времени. Вот уже порядка более двухсот лет теория разделения властей реализуется в демократических странах в целях минимизировать или вовсе устранить недостатки государственного управления. И как показывает историческая практика, на данный момент это лучшая модель управления из всех имеющихся.

М. В. Геворкян в своей работе указывает на тот факт, что сегодня разделение властей обязательная составляющая основы организации и функционирования механизма любого правового государства. Применительно к нашему государству принцип разделения властей закрепляется в основном законе страны и провозглашается 10 статьей Конституции Российской Федерации. Однако более подробное внимание его реализации в рамках нашего государства будет уделено в следующей главе. По сути своей понятие «разделение властей» на практике подразумевает

сложное сочетание независимости и взаимодействия нескольких ветвей власти, а в определенных случаях – их переплетения друг с другом. Такая конструкция не исключает возможность возникновения конфликта между ветвями власти, но предусматривает систему воздействия и компромиссов непосредственно между конфликтующими сторонами.

Ц. С. Дондоков и Д. А. Кужиков рассматривают разделение властей, как некое разграничение государственно-властных полномочий, направленных на достижение задач, стоящих перед государством, между несколькими субъектами (должностными лицами, органами государственной власти). Иными словами полномочия осуществляются самостоятельными субъектами в рамках законодательства страны, тем самым, исключая личные предпочтения и самопроизвол. А. Н. Кокотов в свою очередь дополняет данное определение следующим. Разделение властей является, во-первых, теоретической, а, во-вторых, законодательной основой системы органов власти. Причем здесь стоит обратить внимание, что речь идет не только о системе органов власти государства, но и о системе властных органов субъекта страны (применительно к Российской Федерации). Наука конституционное право рассматривает теорию разделения властей, как одну из основ конституционного строя, гарантию истинной свободы человека, основной признак демократического государства. Причем отечественная наука сравнительно недавно признала значение теории разделения властей, как одного из наиболее важных элементов демократического общества. Обусловлено это тем, что советское государство отрицательно относилось к указанному принципу, признавая его в качестве отражения постулатов буржуазной государственности.

Как уже было отмечено нами ранее, принцип разделения властей применителен не только к федеральному уровню власти, но и к органам власти субъектов. В целях реализации принципа разделения властей на всех уровнях расположения государственных органов, законодательство определяет принцип разграничения предметов ведения. Применительно к

нашей стране Конституция обозначает круг вопросов, которые подведомственны исключительно федеральным органам власти, а также перечень вопросов, которые урегулируются совместно государством и его субъектами.

Концепция разделения властей отражает в себе идеи построения работы органов государственной власти. Идеи концепции берут свое начало еще во времена Древнего Рима, когда великие умы того времени строили рассуждения об идеальном государстве. Свою современную форму концепция обрела во многом благодаря Дж. Локку и Ш. Монтескье. Наиболее точное закрепление концепция разделения властей получила в конституции Соединенных Штатов Америки 1787 года. Однако нельзя недооценивать какой вклад авторы концепции внесли в развитие конституционного права. Многие государства взяли на вооружение основные идеи из источника и адаптировали их должным образом под реалии своей страны. В целом сущность концепции выражена в разделении власти между государственными органами. На основе этого выделяется три независимых друг от друга ветви власти: законодательная, исполнительная, судебная. Представители каждой ветви власти осуществляют свои полномочия параллельно, не вмешиваясь в работу соседей. Но стоит понимать, что ветви власти не ограничены в возможности взаимодействовать друг с другом для решения государственных задач. Кроме того, концепция имеет цель ограничить любую возможность абсолютизации власти, поэтому на такие случаи предусмотрены специальные механизмы воздействия. Таким образом, принцип разделения властей ограничивает возможность государственно-властного произвола и нарушения прав и свобод граждан. Именно поэтому реализация идей концепции является одним из основных признаков правового и демократического государства.

Статья 10 Конституции Российской Федерации признает разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Кроме того, в статье указывается, что орган каждой ветви власти реализует

свои полномочия самостоятельно. К.М. Земляк указывает на то, что российская конституционная модель закрепляет приоритетное положение Президента РФ в механизме разделения властей [11, с. 45]. Несмотря на то, что Председателя Правительства РФ предлагает Президент, но назначается он на должность только с согласия Государственной Думы. Причем такое согласие можно признать формальным, поскольку в случае трехкратного отклонения предложенной кандидатуры (предложенных кандидатур) Президент РФ распускает Государственную Думу и назначает новые выборы. Правовой статус Президента характеризуется широким спектром полномочий. Официально Президент не причислен ни к одной из ветвей власти, его задача заключается в определении государственной политики. Несмотря на это, широкий перечень правомочий Президента вообрал в себя от каждой из ветвей власти. Практика показывает, что Президент имеет намного более важное значение для системы органов государственной власти, нежели это прописано в основном законе нашего государства.

Законодательная власть представлена Федеральным Собранием. Федеральное Собрание - парламент Российской Федерации. Является представительным и законодательным органом Российской Федерации. Федеральное Собрание состоит из двух палат - Совета Федерации и Государственной Думы. Парламент сам определяет свою внутреннюю организацию и процедуру, руководствуясь только требованиями Конституции РФ. И самое главное: никто не может вмешиваться в прерогативу Федерального Собрания по принятию законов, чем обеспечивается подлинное всеислие парламента и его независимость в отправлении своей главной функции.

Вместе с тем парламентская независимость не является абсолютной. Она ограничивается через такие институты конституционного права, как - референдум, поскольку с его помощью могут быть одобрены некоторые законы и без парламента: - чрезвычайное и военное положение, которые приостанавливают действие законов; - право Конституционного Суда РФ

объявлять законы неконституционными; - право Президента РФ распускать Государственную Думу при определенных обстоятельствах; - ратифицированные международные договоры, которые по юридической силе выше законов; - требование Конституции РФ о принятии Государственной Думой финансовых законов только при наличии заключения Правительства РФ.

Существенные признаки исполнительной власти - это ее универсальный и предметный характер. Первый признак отражает тот факт, что исполнительная власть, ее органы действуют непрерывно и везде, на всей территории государства. Этим они отличаются и от законодательных, и от судебных органов. Другой признак означает, что исполнительная власть, также в отличие от законодательной и судебной, имеет другое содержание, поскольку опирается на людские, материальные, финансовые и иные ресурсы, использует инструмент служебных продвижений и систему поощрений. В руках исполнительной власти находится весьма грозная сила в лице ее чиновников, армии, администрации, судей. Среди этой силы особая роль принадлежит вооруженным формированиям: армии, органам безопасности, полиций.

Исполнительная власть реализуется государством через правительство и его органы на местах. Правительство осуществляет верховное политическое руководство и общее управление делами общества. Правительство подконтрольно парламенту, соответственно за свои действия может быть привлечено к ответственности. По сути своей парламентское большинство имеет возможность оценивать деятельность Правительства, основываясь на принципах законности и целесообразности. При необходимости, Государственная Дума вправе выразить недоверие Правительству. После этого Президент решает вопрос об отставке Правительства. При повторном вынесении постановления о недоверии Правительству в срок, не превышающий трех месяцев, Президент обязан

отправить в отставку либо Правительство, либо распускает Государственную Думу.

Судебная власть посредством работы своих органов обеспечивает деятельность по разрешению конфликтных ситуаций на территории всего государства. Система судебных органов представляет собой многоуровневую и разветвленную систему. На каждом уровне расположен судебный орган, которому подсуден и подведомствен определенный вид споров.

П.Н. Шабанов предлагает рассматривать судебную власть как «самостоятельную и независимую ветвь государственной власти, созданную для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданами, самими гражданами, юридическими лицами; контроля за конституционностью законов; защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами исполнительной власти и должностными лицами» [46, с. 75]. Необходимо отметить, что правосудие в правовом государстве осуществляется только судебными органами. Никто не может присвоить себе функции суда. В своей правоохранительной деятельности суд руководствуется только законом, правом и не зависит от субъективных влияний законодательной или исполнительной власти. Независимость и законность правосудия являются важнейшей гарантией прав и свобод граждан, правовой государственности в целом [27, с. 289].

Концепция разделения властей в Российской Федерации реализуется путем разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Соответствующее положение находит свое отражение в статье 10 Конституции.

Законодательная власть представлена Федеральным собранием, которое состоит из двух палат Государственная Дума и Совет Федерации. Ключевую позицию в осуществление исполнительной власти занимает Правительство. А судебная власть реализуется системой судебных органов, где особое место занимают Верховный Суд и Конституционный Суд.

Президент не входит ни в одну из ветвей власти, но при этом владеет полномочиями, которые отражают сущность той или иной ветви. Рассматривая реализацию концепции разделения властей, необходимо отметить важно системы сдержек и противовесов, при помощи которой органы власти может осуществлять контроль друг за другом.

2.3 Процессуальные гарантии независимости судей

Проблема изучения процессуальных гарантий независимости судей обусловлена тем, что отсутствуют четкие критерии дифференциации процессуальных гарантий от иных гарантий. Кроме того, определенные сложности возникают при выявлении среди всех процессуальных гарантий тех, что направлены на обеспечение независимости судей. Следствием этого является отсутствие единого мнения среди ученых относительно перечня процессуальных гарантий независимости судей. М.А. Чистякова предлагает выделять четыре процессуальные гарантии независимости судей [45, с. 1685], а Д.Х. Асадулаева выделяет целых девять процессуальных гарантий [2, с. 190]. Такое разнообразие свидетельствует об отсутствии единого подхода при понимании категории «процессуальная гарантия независимости судей».

После кризиса конца 2000-х годов некоторые государства Европейского Союза приняли меры по снижению заработной платы своих агентов.

Так было в случае с Грецией, которая двумя законами, направленными на выполнение соглашений, заключенных с Европейской комиссией, ЕЦБ и МВФ, в 2010 году решила снизить заработную плату всем работникам государственных служб Греции, работающим в Греции или за рубежом. Эта мера была доведена до сведения Европейского суда в отношении учителя школы, управляемой Грецией в Германии (Европейский суд 18 октября 2016 [48, с. 47]).

Так было и в случае с Португалией. Закон Португалии от 12 сентября 2014 г. предусмотрел в качестве переходного периода механизм снижения размера заработной платы в секторе государственной службы, разработанный в широком смысле. Это сокращение было запланировано для заработной платы некоторых избранных должностных лиц и государственных служащих в следующих пропорциях: сокращение составило 3,5% от общей стоимости заработной платы свыше 1500 евро и менее 2000 евро, от 3,5 до 10% для заработной платы, равной или превышающей 2000 евро. в размере 4165 евро и менее или равном 10% от общей суммы заработной платы, превышающей 4165 евро [54, с. 34].

В частности, это касалось судей Конституционного суда и Счетной палаты, магистратов центральных учреждений и прокуратуры.

Ассоциация, действующая от имени судей Счетной палаты, подала апелляцию в административный суд Португалии и потребовала отмены административных актов по управлению заработной платой, которые были приняты во исполнение закона. В поддержку этого требования ассоциация утверждала, что меры по сокращению заработной платы нарушают принцип независимости судей, закрепленный Конституцией Португалии и § 1 статьи 19 Договора о Европейском Союзе., который предусматривает, что «государства-члены устанавливают необходимые средства правовой защиты для обеспечения независимости судей". обеспечить эффективную судебную защиту в областях, охватываемых законодательством Союза» [3, с. 67].

Поскольку Суд Европейского Союза рассматривал вопрос предварительного производства, он должен был определить, препятствует ли принцип независимости судей применению к членам судебной власти государства-члена общих мер по сокращению заработной платы, связанных с ограничениями по устранению чрезмерного бюджетного дефицита. а также к программе финансовой помощи Союза, однако было указано, что Суд позаботился уточнить, что он должен принимать во внимание только положение членов Португальской счетной палаты.

Своим постановлением от 27 февраля 2018 г. он напоминает (пункты 32 и 35), что статья 19 конкретизирует ценность верховенства закона и возлагает ответственность за обеспечение судебного надзора в рамках правовой системы Союза не только на Суд, но и на национальные суды и добавляет, что принцип эффективной судебной защиты прав, которые стороны, подающие иски, получают в соответствии с законодательством Союза, представляет собой общий принцип права Союза, вытекающий из конституционных традиций, общих для государств-членов и Европейского Союза. что подтверждается статьей 47 Хартии основных прав Европейского Союза Однако для обеспечения такой защиты сохранение независимости рассматриваемой юрисдикции имеет первостепенное значение (решение, часть 41), поскольку, как уже было рассмотрено, гарантия независимости является неотъемлемой частью судебской миссии [55, с. 265].

В свете этих элементов понятие независимости обязательно должно быть уточнено (решение, часть 44). Это предполагает, в частности, что юрисдикция осуществляет свои юрисдикционные функции с полной автономией, не подчиняясь какой-либо иерархической связи или подчиненности по отношению к кому-либо и не получая приказов или инструкций. из любого источника, и что таким образом он защищен от внешнего вмешательства или давления, которые могут повлиять на его деятельность. посягать на независимость суждений его членов и влиять на их решения. И Суд считает, что восприятие членами соответствующей юрисдикции уровня вознаграждения, соответствующего важности выполняемых ими функций, является неотъемлемой гарантией независимости судей (решение, часть 45).

Однако в данном случае Суд отмечает, что меры по сокращению заработной платы были приняты из-за императивов, связанных с устранением чрезмерного бюджетного дефицита португальского государства в контексте программы финансовой помощи Союза этому государству-члену (постановление, часть 45), которую они предусматривали. ограниченное

сокращение размера вознаграждения (постановление, часть 47), которое они применяли не только к членам Счетной палаты Португалии, но и, в более широком смысле, к различным должностным лицам. государственные должности и лица, занимающие должности в государственном секторе, в том числе представители законодательной власти, законодательные органы и другие. исполнительная и судебная власть (постановление, часть 48) и что они носили временный характер (постановление, часть 50). Таким образом, эти меры сродни общим мерам, направленным на то, чтобы ряд членов национальной гражданской службы внесли свой вклад в меры жесткой экономии, продиктованные императивами сокращения чрезмерного дефицита государственного бюджета Португалии (постановление, часть 49). В этих условиях Суд делает вывод, что эти меры по сокращению заработной платы не могут рассматриваться как посягающие на независимость членов Счетной палаты Португалии [56, с. 85].

Это постановление от 27 февраля 2018 года представляет определенный интерес. Что касается формы, следует отметить, что особое внимание было уделено ее формулировке и структурированию, чтобы придать ей образовательный характер, что не очень часто встречается в решениях Европейского суда. По существу, выбранное решение может быть одобрено. Можно, конечно, предположить, что снижение заработной платы судей по решению исполнительной или законодательной власти может рассматриваться как посягательство на их независимость, поскольку такая мера коснется их исключительно, особенно в возможном контексте недоверия этой власти к судебной власти.

С другой стороны, проблема независимости судей больше не кажется актуальной, если мера по сокращению заработной платы на тех же условиях распространяется на другие категории лиц, получающих заработную плату. государственные органы, как это было в случае португальского законодательства, которое предусматривало эту меру, в частности, в отношении президента Республики, членов правительства, депутатов и

сотрудников государственных предприятий. Даже если это касается только португальского права, подход, разработанный в этом постановлении, призван быть распространен на все государства Союза, которые приняли или рассмотрят возможность введения такой меры ограничения заработной платы, в том числе на Францию. Проблема действительно была бы идентичной, поскольку независимость судебной власти гарантировалась бы статьей 64 Конституции [28, с. 112].

Важным моментом здесь также является вопрос уголовной ответственности за злоупотребление должностным положением.

Обязательным признаком субъективной стороны злоупотребления должностными полномочиями является мотив преступника. В законе установлено, что преступление должно совершаться из корыстной или иной личной заинтересованности. Судебная практика исходит из того, что в отсутствие мотива преступления в виде корыстной или личной заинтересованности, содеянное следует рассматривать как дисциплинарный проступок. На наш взгляд, здесь необходимо сделать уточнение. При отсутствии корыстной или личной заинтересованности, а также последствий в виде существенного нарушения существенных прав и свобод, либо охраняемых интересов общества и государства, злоупотребление должностными полномочиями будет являться дисциплинарным проступком. Поскольку отсутствие мотива при наличии указанных последствий, на наш взгляд, не исключают преступности деяния и позволяют квалифицировать его по одной из норм особенной части Уголовного кодекса.

Корыстная заинтересованность должностного лица определяется его стремлением при помощи преступного деяния получить для себя лично или для иных лиц какую-либо выгоду имущественного характера. При этом важно понимать, что корыстная выгода не может определяться безвозмездным обращением имущества в свою собственность, а также собственность других лиц. Примером проявлений корыстной заинтересованности могут служить: получение займа, оплаты его услуг и так

далее. Куда более интересной кажется формулировка «иная личная заинтересованность». Законодатель не дает уточнения по данному вопросу, поэтому мы вынуждены вновь обратиться к материалам судебной практики. Конституционный Суд исходит из того, что «понятие иная личная заинтересованность, как и всякое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике, однако оно не содержит неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своих действий и предвидеть наступление ответственности за их совершение и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению данных законоположений правоприменительными органами». Оценочность категории позволяет правоприменителю широко толковать рассматриваемое понятие, поэтому следовало представить хотя бы примерный перечень примеров личной заинтересованности, на который можно было бы опираться при квалификации деяния по статье 285 Уголовного кодекса.

Для формирования такого перечня рассмотрим частные случаи из судебной практики. Так, Я. являлась главой сельсовета. Ею были подписаны акты выполнения работ, при этом на самом деле работы не были выполнены. В соответствии с Уставом Я. была признана должностным лицом и осуществляла организационно-распорядительные и административно-распорядительные функции в администрации сельсовета. Противоправные действия Я. были основаны на личной заинтересованности, поскольку своими действиями она пыталась избежать дисциплинарного взыскания за срыв сроков. Таким образом, Я. совершила злоупотребление должностными положениями. Соответственно, одним из примеров личной заинтересованности можно считать желание избежать неблагоприятных последствий на службе [9, с. 153].

Так, судом по статье 285 Уголовного кодекса были квалифицированы следующие действия судебного пристава-исполнителя. Пристав, не желая исполнять возложенные на него служебные обязанности, составлял заведомо не соответствующие действительности документы по делам, находящимся в его производстве, о невозможности провести взыскание и последующем прекращении исполнительного производства. В качестве одного из примеров иной личной заинтересованности при злоупотреблении должностными полномочиями является умышленное нежелание должностного лица исполнять свои служебные полномочия [30, с. 142].

В апелляционном определении СК Верховного Суда нашел свое отражение следующий вывод: «Оценив показания потерпевшей С. свидетелей А., К., Ш., выписки из приказов о назначении М., Должностного регламента, Федерального закона О полиции суд обоснованно пришел к выводу о том, М. не принял мер к регистрации заявления С. и проведению по нему проверки умышленно, используя надуманный предлог, из личной неприязни к С. отказал в приеме заявления о краже, чем нарушил права граждан на доступ к правосудию, судебную защиту, а также подорвал авторитет органов власти. С учетом этих обстоятельств суд правильно квалифицировал действия М. по ч. 1 ст. 285 УК РФ». Соответственно, личные взаимоотношения должностного лица могут рассматриваться судами в качестве личной заинтересованности должностного лица при превышении должностного лица. Причем личные взаимоотношения могут быть выражены в негативном и позитивном отношении, что, по сути, будет иметь одинаковое значение для квалификации [32, с. 163].

Еще один из примеров личной заинтересованности должностного лица можно найти в следующем судебном решении. Так, В. была осуждена по части первой статьи 285 Уголовного кодекса. Судом было установлено, что В. использовала свои служебные полномочия, будучи должностным лицом, вопреки интересам службы из иной личной заинтересованности. В. издала приказ, который не соответствовал действительности, о приеме на службу на

старшую муниципальную должность своей дочери В. При этом В. фактически не имела намерения заступать на должность и исполнять служебные обязанности. После чего В. дала распоряжение секретарю о внесении заведомо ложных сведений о том, что ее дочь ежедневно посещает работу и исполняет служебные обязанности. В результате указанных действий дочь В. незаконно получала заработную плату и трудовой стаж. Показательным данный пример является по той причине, что здесь имеет место быть материальный аспект. Дочь осужденной получала заработную плату, соответственно, можно предположить, что имела место быть корыстная заинтересованность. Но при анализе дела, становится понятно, что речь идет именно о личной заинтересованности, поскольку осужденная была заинтересована не в получении материального блага, а в том, чтобы ее дочь была трудоустроена, получала стаж, выплаты, но при этом могла не исполнять служебных обязанностей. То есть, хотя материальный аспект здесь имеет место быть, сам преступник не заинтересован в нем, поэтому нельзя говорить о наличии корыстной заинтересованности. Здесь мы видим, что иная личная заинтересованность может выражаться в фиктивном трудоустройстве кого-либо на подконтрольную должность.

Обобщая изложенный материал, мы можем предложить следующее разъяснение для правоприменителя относительно наличия личной заинтересованности должностного лица при злоупотреблении им служебными полномочиями. Категория иная личная заинтересованность является оценочным понятием и его содержание определяется в зависимости от фактических обстоятельств конкретного уголовного дела. Примерами личной заинтересованности являются случаи, когда должностное лицо злоупотребляет своими полномочиями, желая избежать неблагоприятных последствий на службе, или, наоборот, продвигаться по службе и получить благосклонность вышестоящего начальства, создать видимость служебного благополучия, наличие умышленного нежелания исполнять свои служебные

полномочия, а также в тех случаях, когда должностное лицо ставит в приоритет свои личные взаимоотношения.

Завершая обсуждение по теме данной главы, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, отдельные авторы указывают на необходимость проверки моральных качеств на должность судьи. Предлагаемые изменения, на наш взгляд, вызовут определенные проблемы правоприменения, поскольку включение в текст закона терминов по типу «моральные качества» и схожие с ними категории создает возможность для широкого субъективного толкования. Отсутствие критериев для оценки моральных качеств может создать условия для неправомерного отказа кандидату на должность судьи в силу субъективного отношения одного или нескольких членов комиссии. При этом определенную проверку жизненных взглядов и отношения к институтам власти все-таки стоит проводить. Для работы комиссии необходимо предоставить материалы открытых публикаций в социальных сетях кандидата, которые позволяют создать определенный портрет его личности. Например, при помощи социальных сетей можно установить факт того, что кандидат выказывает активную поддержку какому-то конкретному движению или негативно высказывается о действующем законодательстве или деятельности органов власти.

Во-вторых, в ходе проведенного исследования нам неоднократно встречалась позиция относительно необходимости ограничить теоретическую часть экзамена и сосредоточиться исключительно на проверке практических навыков. Мы не разделяем позицию автора. Судья при осуществлении своей деятельности должен обладать обширным перечнем знаний, которые в дальнейшем будут использованы при постановке процессуальных решений. Теория и практика являются двумя неотъемлемыми составляющими любого ремесла.

Умение составлять процессуальные документы без должного понимания работы правовой и судебной системы, без понимания таких

категорий как справедливость, гуманность, истина, приведет к тому, что судья не сможет качественно осуществлять возложенные на него задачи. В этом случае его можно будет сравнить с компьютером, который машинально выполняет работу, но не обладает должным уровнем осознания для анализа всей совокупности фактов и принятия справедливого решения по рассматриваемому делу. В связи с этим экзамен, на наш взгляд, обязательно должен содержать этап проверки теоретических знаний, с целью проверки умения кандидата нестандартно мыслить, а также умения адаптировать закон под спорную ситуацию.

В-третьих, нельзя исключать из внимания такой психологический феномен как профессиональная деформация, который заключается в психологической дезориентации личности под влиянием служебных факторов. Если лицо долгое время стремилось выстроить стратегию обвинения, стремилось доказать вину, то и сам процесс под руководством такого судьи может уйти в обвинительный уклон. Что в свою очередь полностью противоречит принципу независимости судьи, а также является препятствием для реализации принципа состязательности сторон в судебном процессе. В связи с этим такие лица должны проходить дополнительные проверки на наличие профессиональной деформации в процессе отбора на должность судьи.

В-четвертых, реализация теории разделения властей в Российской Федерации, обеспечивает равновесие всех трех ветвей власти. Это позволяет обеспечить функционирование демократических институтов в рамках правовой системы страны. Особенностями отечественной системы власти является наличие должности Президента, которая характеризуется широким перечнем полномочий.

Основные органы той или иной ветви власти не до конца заперты в рамках своей компетенции. Законодательный орган решает вопросы о ратификации и денонсации международных актов. Исполнительный орган власти может выпускать самостоятельные нормативно-правовые акты.

Конституционный Суд и Верховный Суд наделены правом законодательной инициативы. Взаимодействие органов разных ветвей власти имеет двухсторонний характер. С одной стороны оно обеспечивает сотрудничество в рамках совместного обеспечения реализации государственных функций, а с другой стороны ограничивает абсолютный характер одной ветви власти в той или иной сфере.

В-пятых, на наш взгляд, на сегодняшний день имеет место быть проблема, связанная с возрастным цензом судей. При условии, что в университет поступают в возрасте 17-18 лет, а для прохождения обучения требуется 5-6 лет, обучение будет окончено примерно в 22-23 года. Соответственно необходимый юридический стаж может быть получен примерно к 27-28 годам. В связи с этим мы рекомендуем отразить данное условие при определении возрастного ценза для судей арбитражного суда субъекта Российской Федерации, районного суда, гарнизонного военного суда, а также мировых судей, поскольку законодательство должно отвечать актуальным реалиям.

Если углубляться в данный вопрос, то можно отметить, что лица мужского пола теряют еще один год, поскольку вынуждены проходить службу по призыву, что также свидетельствует о необходимости поднять возрастной ценз. Можно предположить, что студенты могут устроиться на работу и совмещать ее с обучением, но в этом случае возникнет вопрос о качестве получаемого образования, что недопустимо, поскольку кандидат в судьи должен обладать высоким уровнем знаний.

Кроме того, отдельно нами было обращено внимание на то, что законодатель в качестве одного из критериев указывает наличие высшего юридического образования. На наш взгляд, здесь стоит добавить пару уточнений, которые позволят привести указанный критерий к высоким стандартам, предъявляемым к кандидату на должность судьи. В первую очередь законодатель не указывает по какой форме было получено высшее образование. Мы придерживаемся мнения, что очная форма обучения

является наиболее эффективной, поскольку позволяет студенту максимально погрузиться в получаемую профессию.

Вариант с заочной формой обучения, как правило, выбирают те, кому необходимо высшее образование для продвижения по службе, и они уже имеют место работы, то есть, они совмещают свою работу и образование. Причем образование остается на втором плане. В этом случае куда более часто преподаватели делают студенту поблажки, в результате чего студент может получить диплом, не освоив образовательный курс в должной степени. Это не совсем корректно, если речь идет о статусе судьи, поскольку сомнений в его образованности вовсе не должно быть. В связи с этим стоит обратить внимание и на средний балл в дипломе.

На наш взгляд, кандидат должен обладать средним баллом 4,8 и выше. Это будет указывать на то, что он полностью посвятил себя получению образования и в должной степени изучил дисциплины, обозначенные в рамках образовательной программы.

Таким образом, мы считаем, что абзац первый части первой статьи четвертой Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» должен выглядеть следующим образом: «имеет высшее юридическое образование по специальности Юриспруденция или высшее образование по направлению подготовки Юриспруденция квалификации (степени) магистр при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки Юриспруденция, полученные по очной форме обучения со средним баллом не менее 4,8».

Глава 3 Актуальные проблемы реализации конституционного принципа независимости судей в Российской Федерации

На сегодняшний день в научной литературе обсуждается ряд проблемных аспектов, характерных для реализации принципа независимости судей в Российской Федерации. В рамках данной главы мы рассмотрим те из них, которые наиболее часто обсуждаются в материала периодической печати.

А.А. Кондрашев обращает внимание на то обстоятельство, что необходимо снизить размеры социальных гарантий, представляемых судейскому сообществу. Свою позицию автор мотивирует тем, что получаемые судьями блага провоцируют в обществе недовольства, связанные с недоверием к судебной системе в целом. Так, заработная плата судей в среднем выше средней заработной платы обычного работника в четыре раза, а пенсия в шесть раз выше средней пенсии [16, с. 185]. На наш взгляд, сам по себе высокий размер социальных выплат не является проблемой реализации принципа независимости судей. Наоборот, социальные гарантии являются инструментом, который преследует своей целью обеспечить достаток судей и тем самым снизить их подверженность коррупционным факторам. То есть, высокие выплаты являются гарантией того, что судья будет неподкупен, поскольку он достиг достойного материального благосостояния и может полностью посвятить себя служебной деятельности. При этом стоит обратить внимание, что судейское вознаграждение не имеет привязки к качеству и эффективности исполнения возложенных функций. С одной стороны, такая привязка позволит увеличить вовлеченность судьи в выполнение служебных функций, а также повысит качество их деятельности. С другой стороны, снижение размера материального обеспечения судей станет причиной повышения коррупционной составляющей в процессе деятельности судей, тем самым препятствуя реализации принципа независимости судей.

Касательно привлечения судей к уголовной ответственности исследователи обращают внимание на следующий проблемный аспект. Сроки привлечения судей к уголовной ответственности, как правило, затягиваются, поскольку рассмотрение вопроса коллегией и получение согласия может длиться больше месяца. За это время судья может скрыться из страны, уничтожить следы преступления и иные доказательства, а также надавить на свидетелей для дачи ими ложных показаний [15, с. 38]. От части мы можем согласиться с данной точкой зрения. Любое затягивание уголовного процесса может привести к утрате необходимых по делу доказательств и искажению картины преступления, следствием чего может стать привлечение невиновного к уголовной ответственности, а равно, избежание наказания лицом, совершившим преступление. Но все же мы должны понимать, что такой механизм привлечения судей к уголовной ответственности был создан для того, чтобы исключить возможность неправомерного вмешательства в деятельность судей путем неправомерного задержания или фиктивного обвинения в совершении преступления. Законодатель вынужден балансировать между интересами различных субъектов права для обеспечения независимости судебной власти.

Другой проблемный аспект связан с тем, что большинство значимых решений в отношении российских судей принимается председателями судов. Самый значительный аспект заключается в том, что председатели региональных судов контролируют процессы назначения нижестоящих председателей. Дело здесь в том, что председатели судов не избираются, а назначаются Президентом по представлению председателя Верховного Суда. Безусловно, председатель Верховного Суда не может фактически знать все три тысячи председателей районных судов. Поэтому фактически представление председателя Верховного Суда основано на мнении вышестоящих председателей в субъекте Российской Федерации. Все это создает условия для развития бюрократии в органах судебной власти [18, с. 167]. Для решения указанной проблемы нам видятся возможными

следующие пути решения. Во-первых, наиболее радикальным и простым способом решить данный вопрос будет упразднение должности председателя суда. Стоит отметить, что в отдельных странах суды вполне стабильно функционируют при отсутствии председателя [52, с. 135]. Во-вторых, наиболее верным, на наш взгляд, является передача полномочий по выбору председателя суда непосредственно теми судьями, которые осуществляют свою служебную деятельность в конкретном суде. Такое решение позволит снизить уровень бюрократизма, а также будет способствовать развитию принципа независимости судей. Здесь можно добавить, что Е.В. Муткова выступает с аналогичным предложением, но предлагает выбирать председателя сроком на один год [20, с. 212]. Мы позитивно оцениваем данное предложение. Ограниченный срок позволит в должной степени оценить навыки председателя и принять решение о необходимости его переизбрания или выборе нового судьи на указанную должность.

Отдельные авторы подвергают критике предусмотренную законом процедуру привлечения судьи к административной ответственности. Авторами ставится под сомнение возможность наступления для судьи административной ответственности, поскольку вопрос этот решается самими участниками судейского сообщества. Поэтому из солидарности они могут более лояльно относиться к решению данного вопроса [23, с. 35]. Данная точка зрения имеет весьма спорный характер. С одной стороны, очевидно, что законодатель устанавливает столь сложную процедуру привлечения судьи к административной ответственности с целью исключить возможное злоупотребление полномочиями иных представителей власти, обеспечив тем самым провозглашенную неприкосновенность и независимость судей. С другой стороны, учитывая уровень коррупции в современной Российской Федерации, с позицией автора можно в некоторой степени согласиться, поскольку определенная вероятность наличия у судей заинтересованности имеет место быть. Однако, расширять комиссию судей другими лицами, которые не обладают соответствующими полномочиями, на наш взгляд,

некорректно. Единственным видимым нам способом снижения уровня заинтересованности при решении вопроса о привлечении судьи судебного органа ниже уровня субъекта к административной ответственности является создание специального реестра судей по аналогии с присяжными заседателями. При получении представления Генерального прокурора, случайным порядком выбирается три судьи соответствующего уровня из различных субъектов Российской Федерации. Заседание проходит при помощи средств видеоконференцсвязи. Тем самым будет минимизирована возможность личного знакомства судьи, в отношении которого решается вопрос о привлечении к административной ответственности, с судьями из коллегии, а также возможность их взаимодействия друг с другом вне решения относительно полученного представления Генерального прокурора.

Следующим проблемным аспектом является влияние руководства на принятие судом решения. Обращается внимание, что председатель суда может оказывать влияние на нижестоящего судьи. Такое влияние может сказаться на работе судьи и на его отношении к принимаемым решениям. В качестве примера такого воздействия можно назвать несоразмерное распределение служебной нагрузки между судьями в рамках одного суда. То есть, на рассмотрение одного суда поступает значительно меньшее количество дел в сравнении с другим судьей, на которого оказывается давление. Помимо психологического давления, неоправданно высокий объем работы может привести к совершению ошибок при принятии решения, результатом чего станет применение дисциплинарного взыскания [31, с. 407]. Сама по себе возможность служебного влияния ставит под вопрос реализацию принципа независимости судей. В том случае, когда влияние проявляется по причинам, которые не связаны с интересами службы, мы можем говорить о нарушении принципа независимости. Для решения указанной проблемы внутри системы судебных органов требуется проведение проверок, целью которых будет выявление случаев необоснованного количества дел, находящихся у суда на рассмотрении. Так,

при проведении проверки должно быть установлено, какое число дел в среднем находилось у каждого судьи за последние три месяца в производстве. В том случае, если показатель, соответствующий кому-то из судей, будет значительно выше среднего, председатель должен предоставить объяснения сложившейся ситуации. Если законных оснований для распределения нагрузки между судьями подобным образом не было, то председатель должен быть подвергнут дисциплинарному взысканию, а также должен быть поднят вопрос о лишении его статуса председателя суда.

Говоря о служебной зависимости, стоит обратить внимание на сложившуюся ситуацию с использованием материалов судебной практики при рассмотрении дел. Основным источником права в Российской Федерации является закон. В свою очередь судебная практика не является источником права в рамках отечественной правовой системы. При этом фактически суды постоянно ориентируются на материалы судебной практики вышестоящих судов, особенно, если речь идет о Постановлениях Пленума Верховного Суда. Такие постановления имеют рекомендательный характер, но практически всегда нижестоящие суды используют данные разъяснения в качестве ориентира при осуществлении своих служебных полномочий. Более того, на сегодняшний день сложилась такая практика, что, если суды первой инстанции отходят от разъяснений Пленума, одна из сторон имеет высокие шансы обжаловать решение, исходя из того факта, что судом был неверно истолкован или применен закон. Хотя постановления Пленума имеют своей целью разъяснить сложные вопросы правоприменительной практики, в некоторой степени они оказывают косвенное негативное воздействие на реализацию принципа независимости судей, поскольку нижестоящие суды под страхом отмены своих решений и получения дисциплинарного взыскания стараются не рисковать и не идти в обход позиции Верховного Суда.

И.А. Гизатуллин в своем исследовании утверждает, что на сегодняшний день сложилась такая тенденция, при которой суды

беспрекословно доверяют результатам экспертизы, исследуют только ее выводы и упоминают в самом приговоре, не давая при этом самому доказательству свою оценку [7, с. 125]. Указанная позиция находит свое отражение в материалах судебной практики. Так, «по приговору городского суда Г. и С. были осуждены по пункту «б» части третьей статьи 165 Уголовного кодекса. Принимая решение о виновности, судом было взято за основу заключение судебно-бухгалтерской экспертизы, которым определялся размер причиненного ущерба. В надзорной жалобе адвокаты осужденных указали, что судебные решения подлежат отмене ввиду несоответствия выводов суда в приговоре фактическим обстоятельствам дела, существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, в том числе ввиду отсутствия оценки судом доказательств дела. При пересмотре дела Верховный Суд Республики Башкортостан обратил внимание, что суд первой инстанции не дал оценку всем доказательствам, которые легли в основу приговора, а только перечислил их. Так, из заключения судебно-бухгалтерской экспертизы, на котором основаны выводы обвинения о причинении ЗАО ущерба, не видно, из чего конкретно складывается сумма имущественного ущерба каждого из предприятий, с кем заключил договор ООО, какие конкретно средства ЗАО им были использованы» [25]. При этом весьма сложно утверждать, что сложившаяся тенденция оказывает влияние на реализацию принципа независимости судей. Заявлять о проблеме можно тогда, когда помимо указанного обстоятельства будет иметь место наличие следующих фактов. Во-первых, отсутствие оценки судом иных доказательств по делу. Во-вторых, экспертное заключение получено из учреждения, которое вызывает сомнение, а квалификация эксперта в данном вопросе не подтверждена. На сегодняшний день вполне понятным кажется такое отношение судей к экспертному заключению. Вопросы, которые были поставлены перед экспертом обладают узкой спецификой, вникнуть в которую человеку без соответствующих знаний весьма сложно. Поэтому

суды стараются сэкономить время, акцентируя внимание только на той части, где сосредоточены выводы эксперта.

Отдельными авторами обращается внимание на следующий проблемный аспект системы отбора кандидатов. Успешное прохождение кандидатом квалификационного экзамена не могут в должной степени отразить их уровень социально-психологической и морально-этической подготовки. В связи с этим нельзя рассматривать квалификационный экзамен как инструмент, препятствующий попаданию в судейское сообщество лиц, которые не соответствуют высоким стандартам профессионального судьи [29, с. 185]. Например, ситуации, когда кандидатами на должность судей становятся сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры, адвокатуры, следствия, которые уже имеют сформировавшиеся профессиональные установки. Далеко не всегда они могут быть быстро и легко пересмотрены в связи с пребыванием на новой должности, что может привести к предвзятости судьи в сторону обвинительного и карательного аспекта назначения судебного процесса. Нельзя исключать из внимания такой психологический феномен как профессиональная деформация, который заключается в психологической дезориентации личности под влиянием служебных факторов. Если лицо долгое время стремилось выстроить стратегию обвинения, стремилось доказать вину, то и сам процесс под руководством такого судьи может уйти в обвинительный уклон. Что в свою очередь полностью противоречит принципу независимости судьи, а также является препятствием для реализации принципа состязательности сторон в судебном процессе. В связи с этим такие лица должны проходить дополнительные проверки на наличие профессиональной деформации в процессе отбора на должность судьи.

Одной из самых важных проблем, на наш взгляд, является низким уровнем доверия к судебной власти со стороны населения. По данным опроса, проведенного в 2019 году, две трети опрошенных высказались о своем недоверии к органам правосудия. При этом 55% из всех опрошенных

обосновывают свой ответ тем, что не считают правосудие объективным, поскольку оно находится в зависимости от других органов государственной власти [43, с. 147]. Важную роль в отношении населения к судебной власти играет прозрачность механизмов отбора кандидатов на должность судьи. Возможность сделать процедуру более прозрачной и привлечь для контроля ее проведения институты гражданского общества. При этом нельзя исключать из внимания такую проблему как коррупция. До тех пор, пока ситуация с уровнем коррупции в стране не будет стабилизирована, общество не будет воспринимать принцип независимости судей как что-то реально эффективное и практически значимое.

Подводя итоги по теме данной главы, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, отдельные авторы в качестве проблемного аспекта, препятствующего реализации принципа независимости судей, называют высокий размер выплат судьям. Сам по себе высокий размер социальных выплат не является проблемой реализации принципа независимости судей. Наоборот, социальные гарантии являются инструментом, который преследует своей целью обеспечить достаток судей и тем самым снизить их подверженность коррупционным факторам. То есть, высокие выплаты являются гарантией того, что судья будет неподкупен, поскольку он достиг достойного материального благосостояния и может полностью посвятить себя служебной деятельности. При этом стоит обратить внимание, что судебское вознаграждение не имеет привязки к качеству и эффективности исполнения возложенных функций. С одной стороны, такая привязка позволит увеличить вовлеченность судьи в выполнение служебных функций, а также повысит качество их деятельности. С другой стороны, снижение размера материального обеспечения судей станет причиной повышения коррупционной составляющей в процессе деятельности судей, тем самым препятствуя реализации принципа независимости судей.

Во-вторых, председатели региональных судов контролируют процессы назначения нижестоящих председателей. Дело здесь в том, что председатели судов не избираются, а назначаются Президентом по представлению председателя Верховного Суда. Безусловно, председатель Верховного Суда не может фактически знать все три тысячи председателей районных судов. Поэтому фактически представление председателя Верховного Суда основано на мнении вышестоящих председателей в субъекте Российской Федерации. Все это создает условия для развития бюрократии в органах судебной власти. Для решения указанной проблемы нам видятся возможными следующие пути решения. Во-первых, наиболее радикальным и простым способом решить данный вопрос будет упразднение должности председателя суда. Стоит отметить, что в отдельных странах суды вполне стабильно функционируют при отсутствии председателя. Во-вторых, наиболее верным, на наш взгляд, является передача полномочий по выбору председателя суда непосредственно теми судьями, которые осуществляют свою служебную деятельность в конкретном суде. Такое решение позволит снизить уровень бюрократизма, а также будет способствовать развитию принципа независимости судей.

В-третьих, возможность служебного влияния ставит под вопрос реализацию принципа независимости судей. В том случае, когда влияние проявляется по причинам, которые не связаны с интересами службы, мы можем говорить о нарушении принципа независимости. Для решения указанной проблемы внутри системы судебных органов требуется проведение проверок, целью которых будет выявление случаев необоснованного количества дел, находящихся у суда на рассмотрении. Так, при проведении проверки должно быть установлено, какое число дел в среднем находилось у каждого судьи за последние три месяца в производстве. В том случае, если показатель, соответствующий кому-то из судей, будет значительно выше среднего, председатель должен предоставить объяснения сложившейся ситуации. Если законных оснований для

распределения нагрузки между судьями подобным образом не было, то председатель должен быть подвергнут дисциплинарному взысканию, а также должен быть поднят вопрос о лишении его статуса председателя суда.

В-четвертых, отдельно нами было обращено внимание на внимание на сложившуюся ситуацию с использованием материалов судебной практики при рассмотрении дел. Основным источником права в Российской Федерации является закон. В свою очередь судебная практика не является источником права в рамках отечественной правовой системы. При этом фактически суды постоянно ориентируются на материалы судебной практики вышестоящих судов, особенно, если речь идет о Постановлениях Пленума Верховного Суда. Такие постановления имеют рекомендательный характер, но практически всегда нижестоящие суды используют данные разъяснения в качестве ориентира при осуществлении своих служебных полномочий. Более того, на сегодняшний день сложилась такая практика, что, если суды первой инстанции отходят от разъяснений Пленума, одна из сторон имеет высокие шансы обжаловать решение, исходя из того факта, что судом был неверно истолкован или применен закон. Хотя постановления Пленума имеют своей целью разъяснить сложные вопросы правоприменительной практики, в некоторой степени они оказывают косвенное негативное воздействие на реализацию принципа независимости судей, поскольку нижестоящие суды под страхом отмены своих решений и получения дисциплинарного взыскания стараются не рисковать и не идти в обход позиции Верховного Суда.

Заключение

Конституционный принцип независимости судей — это фундаментальное положение, которое лежит в основе построения судебной системы в Российской Федерации и определяется необходимостью создания таких условий, при которых исключается и запрещается какое-либо вмешательство в деятельность судей, препятствующее их самостоятельному разрешению дела на основе положений закона и личных убеждений. Принцип независимости судей имеет двухсторонний характер. С одной стороны, он направлен на исключение стороннего воздействия «из вне», например, жизни судьи угрожают или органы власти требуют от него вынесения конкретного решения. В подобных случаях судья заявляет о том, что его законной деятельности пытаются воспрепятствовать, после чего виновные лица подвергаются ответственности за прямое нарушение принципа независимости судей и косвенное нарушение принципа осуществления правосудия только судом. С другой стороны, он направлен на исключение недобросовестных субъектов из судейского сообщества. Если сам судья «открыт» для воздействия на его профессиональную деятельность, то в этом случае также следует говорить о нарушении принципа независимости судей.

В ходе проведенного исследования, нами были рассмотрены следующие проблемные аспекты, препятствующие реализации принципа независимости судей в Российской Федерации.

Во-первых, принцип независимости судей проявляется в том числе и в механизмах привлечения их к ответственности. Законодатель предусмотрел весьма сложную процедуру привлечения судьи к уголовной и административной ответственности, стараясь при этом сбалансировано соблюсти интересы общества и независимости судебной власти, идя при этом на некоторые компромиссы. В ходе исследования нами было отмечено, что использование абстрактных категорий при определении понятия

«дисциплинарный проступок», таких как «умаление авторитета судебной власти» и «причинение ущерба репутации судьи» создает сложности в процессе правоприменения. Их значение определяется терминами, которые граничат с нормами морали. Это создает возможность для широкого толкования и существенного влияния субъективного фактора при наложении мер дисциплинарной ответственности на судей. Хотя законодатель использует понятие «дисциплинарный проступок», при этом его смысл выходит за пределы служебной дисциплины, путем включения в него деяний, противоречащих морально-этическим устоям общества. Это не совсем корректно и в некоторой степени выходит за пределы правового регулирования.

Во-вторых, на наш взгляд, способом снижения уровня заинтересованности при решении вопроса о привлечении судьи судебного органа ниже уровня субъекта к административной ответственности является создание специального реестра судей по аналогии с присяжными заседателями. При получении представления Генерального прокурора, случайным порядком выбирается три судьи соответствующего уровня из различных субъектов Российской Федерации. Заседание проходит при помощи средств видеоконференцсвязи. Тем самым будет минимизирована возможность личного знакомства судьи, в отношении которого решается вопрос о привлечении к административной ответственности, с судьями из коллегии, а также возможность их взаимодействия друг с другом вне решения относительно полученного представления Генерального прокурора.

В-третьих, на наш взгляд, на сегодняшний день имеет место быть проблема, связанная с возрастным цензом судей. При условии, что в университет поступают в возрасте 17-18 лет, а для прохождения обучения требуется 5-6 лет, обучение будет окончено примерно в 22-23 года. Соответственно необходимый юридический стаж может быть получен примерно к 27-28 годам. В связи с этим мы рекомендуем отразить данное условие при определении возрастного ценза для судей арбитражного суда

субъекта Российской Федерации, районного суда, гарнизонного военного суда, а также мировых судей, поскольку законодательство должно отвечать актуальным реалиям.

Кроме того, отдельно нами было обращено внимание на то, что законодатель в качестве одного из критериев указывает наличие высшего юридического образования. На наш взгляд, здесь стоит добавить пару уточнений, которые позволят привести указанный критерий к высоким стандартам, предъявляемым к кандидату на должность судьи. В первую очередь законодатель не указывает по какой форме было получено высшее образование. Мы придерживаемся мнения, что очная форма обучения является наиболее эффективной, поскольку позволяет студенту максимально погрузиться в получаемую профессию. Вариант с заочной формой обучения, как правило, выбирают те, кому необходимо высшее образование для продвижения по службе, и они уже имеют место работы, то есть, они совмещают свою работу и образование. Причем образование остается на втором плане. В этом случае куда более часто преподаватели делают студенту поблажки, в результате чего студент может получить диплом, не освоив образовательный курс в должной степени. Это не совсем корректно, если речь идет о статусе судьи, поскольку сомнений в его образованности вовсе не должно быть. В связи с этим стоит обратить внимание и на средний балл в дипломе. На наш взгляд, кандидат должен обладать средним баллом 4,8 и выше. Это будет указывать на то, что он полностью посвятил себя получению образования и в должной степени изучил дисциплины, обозначенные в рамках образовательной программы. Таким образом, мы считаем, что абзац первый части первой статьи четвертой Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» должен выглядеть следующим образом: «имеет высшее юридическое образование по специальности Юриспруденция или высшее образование по направлению подготовки Юриспруденция квалификации (степени) магистр при наличии

диплома бакалавра по направлению подготовки Юриспруденция, полученные по очной форме обучения со средним баллом не менее 4,8».

В-четвертых, отдельно нами было обращено внимание на сложившуюся ситуацию с использованием материалов судебной практики при рассмотрении дел. Основным источником права в Российской Федерации является закон. В свою очередь судебная практика не является источником права в рамках отечественной правовой системы. При этом фактически суды постоянно ориентируются на материалы судебной практики вышестоящих судов, особенно, если речь идет о Постановлениях Пленума Верховного Суда. Такие постановления имеют рекомендательный характер, но практически всегда нижестоящие суды используют данные разъяснения в качестве ориентира при осуществлении своих служебных полномочий. Более того, на сегодняшний день сложилась такая практика, что, если суды первой инстанции отходят от разъяснений Пленума, одна из сторон имеет высокие шансы обжаловать решение, исходя из того факта, что судом был неверно истолкован или применен закон. Хотя постановления Пленума имеют своей целью разъяснить сложные вопросы правоприменительной практики, в некоторой степени они оказывают косвенное негативное воздействие на реализацию принципа независимости судей, поскольку нижестоящие суды под страхом отмены своих решений и получения дисциплинарного взыскания стараются не рисковать и не идти в обход позиции Верховного Суда.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аверин А.В., Гроза Ю.А. К вопросу о независимости судей // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. №3. С. 48-54.
2. Асадулаева Д.Х. Институт отвода судьи как процессуальная гарантия принципа независимости судей // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. №2. С. 188-193.
3. Балашов А.Н. Принцип независимости судей и осуществление правосудия только судом как гарантия законности в административном судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2017. №3-4. С. 66-67.
4. Барсегова Э.Л. Проблемы ответственности судей в Российской Федерации // Научный журнал. 2018. №3(26). С. 87-89.
5. Вечер С.В. Значение отбора кандидатов на должность районных судей в Российской Федерации в контексте обеспечения независимости судебной власти // Прокуратура России на страже законности и правопорядка (к 300-летию Российской прокуратуры). 2022. №1. С. 298-303.
6. Геворкян М.В. Истоки теории разделения властей // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. № 5. С. 117-122.
7. Гизатуллин И.А. Проблемы реализации независимости судей при оценке заключения эксперта по уголовному делу // Правовое государство: теория и практика. 2020. №4-2(62). С. 115-129.
8. Дикарев И.С. Контрольные полномочия Председателя Верховного Суда РФ и его заместителя в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций // Legal Concept. 2014. №1. С. 25-29.
9. Домнина О. В. Принцип независимости судей как элемент метода механизма правового регулирования гражданского процессуального права // Система ценностей современного общества. 2011. №18. С. 150-154.

10. Дондоков Ц.С., Кужиков Д.А. Понятие принципа разделения властей: историко-правовой аспект // Вестник Забайкальского Государственного университета. 2014. №7(110). С. 149-153.
11. Земляк К.М. Законодательная власть как вид государственной власти // Инновационная наука. 2016. № 3. С. 44-48.
12. «Золотая судья» Хахалева судила людей, имея лишь образование биолога // [Электронный ресурс]. - <https://pasm.ru/archive/218309/> (дата обращения 10.02.2023)
13. Ищенко У.С. Структурно-содержательный анализ принципа независимости судей // ЮП. 2019. №2 (89). С. 125-130.
14. Калентьева Т.А., Никифоров Д.А. Проблемы привлечения к уголовной ответственности судей в Российской Федерации // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. №2. С. 171-174.
15. Климок Т.А. Независимость суда в досудебном производстве по уголовным делам // Теория и практика общественного развития. 2020. №4(146). С. 37-40.
16. Кондрашев А.А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. 2015. №8. С. 181-187.
17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.07.2020 № 1-ФКЗ) // РГ. 1993. №237.
18. Кудряшова А.В. Об управленческих полномочиях председателя районного суда и необходимости совершенствования их правового регулирования // Вестник КГУ. 2019. №4. С. 166-169.
19. Марсакова У.С. К вопросу о независимости судей как принципе уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №2 (34). С. 490-492.

20. Муткова Е.В. Проблемные вопросы, возникающие в связи с применением принципа независимости судей и подчинение их только закону // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. №5. С. 210-215.

21. Нагорнова Ю.П., Борзых Д.С., Орлова Е.Е. Особый порядок отбора кандидатов на должности судей // Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки. 2020. №1. С. 262-265.

22. Отческа Т.И. Правовые вопросы формирования качественного судейского корпуса // Пролог: журнал о праве. 2014. №3. С. 50-53.

23. Очир-Гаряева И.К., Чурюмова Е.Д., Ожередов В.С., Нанян М.А. Становление и развитие принципа самостоятельности судебной власти: теоретико-исторические и конституционно-правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2019. №9(177). С. 34-37.

24. Плевако Л.В. Принцип разделения властей: история и современность // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2020. № 2. С. 335-340.

25. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 25.07.2012 № 44у498/2012 по делу № 44у 498/2012 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

26. Постановление Совета судей РФ от 26 декабря 2002 г. №86 «О психологическом обеспечении судебной деятельности и использовании методов психодиагностического обследования личности кандидата на должность судьи» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

27. Рыбкина К.В. Принципы независимости, беспристрастности: организационные и этические аспекты деятельности суда // Достижения вузовской науки. 2016. №20. С. 287-293.

28. Смирнова И.Г, Казарина М.И. Принцип независимости судей в уголовно-процессуальном праве: теоретико-методологический аспект исследования // Уголовная юстиция. 2018. №11. С. 108-113.

29. Солдатов В.А. Актуальные проблемы реализации принципа независимости и самостоятельности суда в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2021. №12(204). С. 184-186.
30. Стародумов С.В. Дискуссионные вопросы реализации принципа независимости и беспристрастности суда при рассмотрении уголовных дел // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. №2. С. 139-143.
31. Сташкевич А.В. Правовые проблемы обеспечения независимости суда в арбитражном процессе // Скиф. 2022. №5 (69). С. 405-411.
32. Сумачева А.М. Проблемы реализации принципа независимости конституционного суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и пути их решения // Марийский юридический вестник. 2015. №1(12). С. 162-164.
33. Сыромятникова А.Д. Независимость судей как один из принципов конституционного права // Вестник науки. 2019. №2 (11). С. 140-143.
34. Тарасов А.А., Гизатуллин И.А. Независимость судей - имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. №1. С. 21-41.
35. Титова Е.А. Некоторые проблемы совершенствования механизма ответственности судей // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. №3. С. 148-152.
36. Уварова Л.В. Методика оценки антикоррупционной устойчивости при профессиональном психологическом отборе кандидатов на должности судей // МНИЖ. 2023. №7-4(14). С. 124-126.
37. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СЗ РФ. 2001. №52. Ст. 4921.
38. Федеральный закон от 14.03.2002 №30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. №11. Ст. 1022.

39. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. №13. Ст. 1447.

40. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 №1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. №1. Ст. 1.

41. Федорова С.А. Проблемы юридической ответственности судей // Бизнес и общество. 2022. №4(36). С. 16-19.

42. Фомина Е.В. Правовое регулирование полномочий квалификационных коллегий судей в сфере отбора и замещения судебно-административных должностей // Закон и право. 2019. №9. С. 164-167.

43. Халилев Р.А. Современные проблемы и тенденции в вопросах реализации принципа независимости судей // Вестник УЮИ. 2020. №2 (88). С. 145-149.

44. Черемисина Т.В. Проблемы личного отбора при проведении конкурса на должность судьи // Вестник экономики, управления и права. 2020. №3(52). С. 65-69.

45. Чистякова М.А. Проблемы исследования процессуальных гарантий независимости судей // StudNet. 2020. №9. С. 1685-1691.

46. Шабанов П.Н. О признаках судебной власти // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 2. С. 72-78.

47. Шеломанова Л.В. Независимость судей в системе принципов современного гражданского процесса // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. №1. С. 79-84.

48. Шеломанова Л.В. Правовые средства обеспечения и реализации принципа независимости судей в гражданском процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №4. С. 46-50.

49. Шеломанова Л.В. Система отбора и назначения на должности судей как институт обеспечения их независимости // Современное общество и право. 2012. №4(9). С. 51-57.

50. Шигурова Е.И., Шигуров А.В. Направления совершенствования норм судоустройственного законодательства о порядке назначения и требованиях к кандидатам на должность мирового судьи // Социально-политические науки. 2019. №5. С. 182-185.
51. Щедрина Ю.В. Возрастной ценз для кандидатов на должность судей в России во второй половине XIX – начале XXI века // Новый ракурс. 2021. №3. С. 80-88.
52. Libertad G., Tarja K.V. Independence of judges [Text] / G. Libertad, K.V. Tarja // European Economic Review. – 2016. – PP. 127-138.
53. Robila M. Judicial precincts in European countries [Text] / M. Robila // Economics of Governance. - Oxford, 2015. – 2015. – PP. 3-11.
54. Rosalia K. Independence of judges [Text] / M. Robila // Economics of Governance. - Elsevier, 2022. – 2022. – PP. 29-35.
55. Twyla J. Examination for the position of judge [Text] / J. Twyla // Journal of Aging Studies. – Elsevier, 2022. – 2022. - PP. 259-278.
56. Victor H., Magali R. Corruption in the judicial system [Text] / H. Victor, R. Magali // International Review of Law and Economics. – 2015. – PP. 77-87.